И 52/456

ЗАПИСКИ

АДМИРАЛА А. С. ШИШКОВА,

веденныя имъ

во время путеплаванія его

изъ

КРОНШТАДА ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. С. П. бургъ, Іюля 22-го 1834 года.

Ценсоръ *Ф. Шарлуа.*

стр с 15 – 48 вшиты неверно

I.

Плаванiе отъ Кроништата до Портъ-Магона.

Въ 1776 году, во время царствованiя Императрицы Екатерины Великой, въ половинѣ Iюня мѣсяца отправились мы изъ Кронштата въ путь. Эскадру нашу составляли четыре фрегата. Первымъ былъ, Сѣверный Орелъ о 40 пушкахъ: на немъ Капитанъ Козляниновъ, который и надъ всѣми прочими судами начальствовалъ. Я находился на семъ фрегатѣ. Онъ былъ подъ военнымъ флагомъ съ полнымъ числомъ служителей и пушекъ. Остальные три: Павелъ, Григорiй и Наталiя, подъ начальствомъ Капитанъ-Поручиковъ Скуратова, Одинцова и Масолова. Сiи фрегаты были подъ купеческими флагами, каждой о 32 пушкахъ; но имѣли только половинное число людей и 8 пушекъ; прочiе пушки сняты были и зарыты въ песокъ на днѣ судна. Путь намъ предписанъ былъ въ Кон-

стантинополь. Намѣреніе состояло въ томъ, чтобъ сіи три фрегата провести въ Черное море, гдѣ въ нихъ настояла надобность; но надлежало провести ихъ подъ видомъ торговыхъ судовъ подъ купеческими флагами; ибо, по договорамъ съ Турками, они обязаны были пропускать чрезъ Константинопольскій проливъ купеческія только, а не военныя суда. Мы, при попутныхъ вѣтрахъ, скоро миновали острова Наргинъ, Готландъ, Борнгольмъ, и пришли въ Копенгагенъ, гдѣ простоявъ недолго отправились далѣе въ путь. Перешли Категатъ, и по довольно счастливомъ плаваніи вступили въ Англійскій Каналъ, гдѣ противъ острова Вейта, верстахъ въ пятнатцати отъ Портсмута, стали на якорь. Къ намъ пріѣхалъ посѣтить насъ бывшій въ нашей службѣ Контръ-адміралъ Эльфинстонъ. Онъ сказалъ Козлянинову, что изъ Портсмутской гавани скоро выдутъ три военныхъ корабля, которымъ надлежитъ проходить мимо насъ, и для того совѣтовалъ, чтобъ онъ съ фрегатомъ своимъ снялся и отошелъ подалѣе въ сторону отъ предлежащаго имъ пути. Совѣтъ сей сдѣланъ былъ по тому, что Англичане при встрѣчѣ въ своихъ водахъ съ военными чужихъ державъ судами требовали, чтобъ при салютѣ имъ изъ пушекъ спущенъ былъ вымпелъ, а по нашимъ узаконеніямъ сдѣлать сего не позволя-

лось. И такъ Эльфинстонъ опасался, чтобъ изъ сей распри не дошло дѣло до сраженія. Козляниновъ не сошелъ съ мѣста, но только за ранѣе велѣлъ гротъ-брамъ-стенгу (верхнюю часть средней мачты), не снимая съ нее вымпела, опустить на низъ, будто бы для исправленія оной, но въ самомъ дѣлѣ для того, дабы вымпелъ не такъ былъ примѣтенъ, и чтобъ чрезъ то уменьшить поводъ къ требованію спуска онаго. Безпокойное ожиданіе сіе прошло однакожъ безъ всякихъ непріятныхъ слѣдствій. Гордость Англійская не восхотѣла оскорбить Рускаго флага. Вышедшіе изъ гавани корабли не пошли близко нашего фрегата, но нарочно уклонились въ сторону, дабы идучи отъ него въ дальнемъ разстояніи, не имѣть причины къ требованію салюта.

Я отпросился съѣздить въ Портсмутъ, и, пробывъ тамъ одни сутки, возвратился назадъ. Скоро потомъ опять вступили мы подъ паруса. Плаваніе наше по Англинскому Каналу было весьма долгое и безпокойное. Почти безпрестанно дули противные крѣпкіе вѣтры. Напослѣдокъ выбрались мы въ Бискайскую бухту. Пространный Океанъ разливался передъ нами, и не было ни въ которую сторону берега ближе семи и восьми сотъ верстъ. На сей обширности моря, послѣ нѣсколькихъ дней благо-

получной погоды, вѣтеръ сдѣлался опять противный и довольно крѣпкій. Мы ходили взадъ и впередъ по такому мѣсту, гдѣ на Голландской картѣ, по которой мы плыли, поставленъ былъ крестикъ, означавшій, что тутъ находится подводный камень. Сей значекъ наводилъ намъ не малый страхъ, ибо попасть въ такомъ отдаленіи отъ береговъ на камень не было бы никакой надежды никому спастись. Однажды, мы сидѣли за ужиномъ и разговаривали объ этомъ. Иные утверждали, что это пустое воображеніе того, кто сочинялъ карту. Кто могъ, говорили они, вподлинну узнать, если тутъ камень или нѣтъ? Тотъ кто на него наткнулся, не могъ извѣстить о немъ другихъ, и безсомнѣнія тайну сію унесъ съ собою на дно моря. Одинъ изъ Офицеровъ сказалъ: Да хотя бы и точно тутъ былъ камень, я знаю вѣрнѣе средство его миновать. Какое же? спросили мы. Стараться на него попасть, отвѣчалъ онъ. Счисленіе не можетъ быть безъ погрѣшности; и такъ держа прямо на него непремѣнно пройдемъ мимо. Мы засмѣялись, и нашли способъ его надежнѣе всѣхъ другихъ предосторожностей. Послѣ нѣсколькихъ дней вѣтры настали опять благополучные. Мы миновали Португалію, Кадиксъ; прошли Гибралтарскій проливъ, и вступили въ Средиземное Море. Прекрасная погода, послѣ долго продол-

жавшейся пасмурной и сырой, разбила нѣсколько нашу скуку. Мы скоро надѣялись увидѣть Портъ-Магонъ, куда положено было зайти для запасенія себя пресною водою и другими нужными припасами. Въ самомъ дѣлѣ мы въ непродолжительномъ времени увидѣли его, стали приближаться и уже одѣлись и приготовились, чтобъ тотчасъ, какъ скоро бросимъ якорь, ѣхать на берегъ, который тѣмъ болѣе казался намъ прелестнымъ, что мы болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ запертыя птицы, изъ клѣтки своей никуда не вылетали; но судьбѣ заблагоразсудилось обуздать наше желаніе и дать намъ урокъ, научающій терпѣнію: возшедшая внезапу туча перемѣнила красное утро въ мрачное и благополучный вѣтръ въ противный. Мы почти при самомъ входѣ въ пристанище принуждены были попятиться назадъ и плясать передъ нимъ еще двои сутки, покуда вѣтеръ умилостивясь, позволилъ намъ войти въ оное. Мы прошли прекрасную у самаго входа крѣпость, называемую Св. Стефана, вошли внутрь залива и, защищенные крутыми берегами его отъ всѣхъ вѣтровъ, стали на якорь.

II.

Пребываніе въ Портъ-Магонѣ.

Не можно себѣ представить всѣхъ удовольствій, какія послѣ долговременнаго плаванія пришедъ въ спокойное пристанище вкушаетъ мореплаватель! Мы перестали бороться съ вѣтрами и волнами; безпрестанное колыханіе фрегата, столько намъ надоѣвшее, утихло; вмѣсто покрытой сѣдыми скачущими буграми безпредѣльной равнины, взоры наши увеселились одѣтыми лѣсомъ и зеленью холмами и долинами; вмѣсто единообразія синѣющейся воды представились очамъ различныя зрѣлища: высокія зданія, домы, сады, горы, луга съ обитающими въ нихъ людьми, звѣрями, птицами; появилась свѣжая пища, плоды, молоко и тысячи такихъ вещей, которыхъ человѣкъ на морѣ имѣть не можетъ; словомъ, страхъ нашъ перемѣнился въ безопасность, заточеніе въ свободу, уединеніе въ сообщество, скука въ веселье, сухоядѣніе въ лакомство. Таковъ переходъ изъ морской жизни въ наземную! Мы скоро съѣхали на берегъ къ нашему Консулу, г-ну Алексіани. Любопытство видѣть насъ привлекло многихъ зрителей. Отъ Консула пошли мы къ Губернатору, который присылалъ уже поздравить насъ съ пріѣздомъ.

Онъ принялъ насъ очень ласково, и на другой день прислалъ звать обѣдать. За столомъ расказывалъ онъ, что прибытіе наше весьма ихъ удивило: они приняли купеческой флагъ нашъ за военный Голландскій, (которые дѣйствительно весьма сходны, ибо состоятъ изъ трехъ одинакихъ цвѣтами полосъ, и только разнятся порядкомъ размѣщенія оныхъ), и видя издалека военный фрегатъ нашъ, идущій впереди, а за нимъ послѣдующіе три купеческихъ, не могли понять, по какимъ обстоятельствамъ три Голландскіе фрегата гонятся за однимъ Рускимъ. Англичане были тогда въ войнѣ съ Французами, и потому обыкновенный въ Портъ-Магонѣ гарнизонъ былъ увеличенъ. Мы познакомились со многими Англинскими Офицерами, часто бывали у Губернатора, у Консула, и такимъ образомъ пребываніе наше на семъ островѣ, продолжавшееся около двухъ недѣль, сдѣлалось довольно пріятнымъ. Портъ-Магонская гавань весьма спокойна. Я часто любовался ѣздя по ней въ свѣтлую мѣсячную ночь: высокіе берега, освѣщенные луною, представляли величественное зрѣлище. Чистая вода въ ней, и какъ стекло гладкая, приведенная въ движеніе, такъ свѣтилась, что струя за кормою шлюбки далеко видна была, наподобіе усыпанной серебряными искрами широкой ленты. Въ одинъ день, уви-

дѣли мы пришедшую въ гавань Алжирскую полугалеру, которая, постоявъ не много, хотѣла опять идти въ море, но пушечными выстрѣлами съ крѣпости была остановлена. Мы узнали тому слѣдующую причину: одно купеческое Гишпанское судно, съ богатымъ грузомъ, отправилось изъ гавани. Полугалера примѣтя это, хотѣла тотчасъ пуститься въ слѣдъ за нимъ; но Англичане въ подобномъ случаѣ останавливаютъ ихъ на цѣлыя сутки, дабы вышедшему судну дать время уйти отъ ихъ нападенія. Проѣзжая мимо сей полугалеры, я смотрѣлъ съ нѣкоторымъ ужасомъ на сихъ морскихъ разбойниковъ. Ихъ было на ней шестьдесятъ человѣкъ; всѣ они на верху стояли и съ любопытствомъ на насъ смотрѣли; почти всѣ высокаго роста, всѣ между тритцати и сорока лѣтъ, вооружены кинжалами и пистолетами, съ усами, съ обнаженными по плечо руками, съ покрытою шерстью голою грудью, съ звѣрскимъ лицемъ и сверкающими очами: таковъ былъ видъ ихъ! Я внутренно благодарилъ Губернатора, не позволившаго имъ проглотить замѣченную ими жертву. За день передъ отъѣздомъ нашимъ случилось такое приключеніе, которое послѣдствіями своими было для меня весьма непріятно. Я проснулся поутру, и услышалъ что въ прошедшую ночь на берегу произошла драка между

нѣкоторыми островскими жителями и нашими людьми. Я велѣлъ позвать къ себѣ своего человѣка, который со мною былъ одинъ, и увидѣлъ, что глаза у него подбиты, въ синевахъ, и онъ съ нуждою могъ ходить. На вопросы мои, принужденъ онъ былъ признаться, что онъ участвовалъ въ бывшей дракѣ. Мнѣ весьма это было досадно, и я хотѣлъ его наказать; но какъ стали его раздѣвать, мнѣ показалось, что онъ уже и такъ прибитъ, и что довольно было его постращать. Въ сихъ мысляхъ пожуря его и приказавъ, чтобъ онъ впредь не отлучался безъ спросу, я отмѣнилъ наказаніе. Мы послѣ услышимъ, что я весьма о томъ сожалѣлъ.

III.

Плаваніе отъ Портъ-Магона до Ливорны.

Мы оставили Портъ-Магонъ, и по нѣкоторомъ довольно благополучномъ плаваніи пришли въ Ливорну. На пути ничего съ нами примѣчанія достойнаго не случилось, выключая двухъ слѣдующихъ приключеній: въ одинъ день удивили насъ такъ прозванныя нами летучія рыбы, величиною въ полъаршина; онѣ вдругъ

появились и въ продолженіе четверти часа или болѣе, выскакивали изъ воды за кормою, и такъ далеко летѣли по воздуху, что падали близъ носа. Надлежитъ думать, что какая нибудь хищная рыба, напавъ на стадо ихъ, принудила ихъ дѣлать сіи необычайные скачки. Въ другой день въ виду Корсики было со мною странное и печальное происшествіе: въ прекрасную погоду я стоялъ на вахтѣ, и ходилъ по кораблю. Въ сіе время отдавали брамсели, то есть, распускали самые верхніе паруса, дабы судно пошло скорѣе. Вдругъ почувствовалъ я въ руку самый сильный ударъ, который не сдѣлалъ мнѣ ни малѣйшей боли, но былъ столь не обыкновенный, какъ будто бы какой чрезвычайной силы исполинъ ударилъ меня подушкою или чѣмъ нибудь мягкимъ. Я пошатнулся, взглянулъ, и вижу растянутаго подлѣ себя разбившагося человѣка. Онъ оборвался съ верху мачты, и, летя стремглавъ оттуда, коснулся брюхомъ своимъ, руки моей. Подняли несчастнаго, и понесли внизъ. Онъ былъ еще живъ, но для того только, чтобъ нѣсколько часовъ страдать. Лѣкарь, осмотрѣвъ его, сказалъ намъ, что хребтовая кость у него въ трехъ мѣстахъ переломилась. Я сожалѣя о семъ бѣдномъ матросѣ, благодарилъ Бога, что самъ остался цѣлъ; ибо если бъ я на одинъ вершокъ еще подвинулся, то, упавъ

мнѣ на плечо, онъ подвергнулъ бы меня той же самой участи, какую самъ претерпѣлъ.

IV.

Пребываніе въ Ливорнѣ.

Около половины Сентября, бывъ почти три мѣсяца въ пути, пришли мы въ Ливорну съ однимъ только фрегатомъ, Павломъ, потому что двумъ другимъ, Григорію и Наталіи, велѣно было отъ острова Корсики идти къ острову Эльбѣ и тамъ ожидать прибытія Сѣвернаго Орла. Мы стали на якорь верстахъ въ трехъ или четырехъ отъ города. Къ намъ тотчасъ явились лодки съ музыкантами и пѣвцами, поздравляющими за небольшую плату съ благополучнымъ прибытіемъ. На другой день мы съѣхали на берегъ и обѣдали у богатаго купца, Каламая, носившаго на себѣ званіе нашего Консула. Потомъ позвалъ насъ Губернаторъ; потомъ Англійскій Консулъ; потомъ приглашены мы были на балъ въ Казину, домъ гдѣ собираются, какъ у насъ клубъ. Нерѣдко посѣщали мы театръ, и такимъ образомъ старались распространить наше знакомство. Въ Ливорнѣ оставались отъ прошед-

шей съ Турками войны два купленные Графомъ Орловымъ небольшіе фрегата, Констанція и Св. Павелъ. Сіи фрегаты долженствовали идти съ нами въ Царьградъ; но какъ оные не были еще вооружены, и потребно было на то не мало времени, то главный начальникъ нашъ разсудилъ, не дожидаясь ихъ, продолжать съ фрегатами Григоріемъ и Наталіею путь свой, а съ ними оставить фрегатъ Павелъ и определить на нихъ капитановъ, офицеровъ и служителей, съ тѣмъ, чтобъ они, приведя ихъ въ готовность, слѣдовали вмѣстѣ съ Павломъ въ Сицилію, и тамъ дожидались прибытія Сѣвернаго Орла. По сему распоряженію опредѣленъ былъ на Констанцію Капитанъ-поручикъ Ржевскій, а на Св. Павелъ Капитанъ-поручикъ Ушаковъ. Я и пріятель мой, Тимирязевъ, желая пробыть подолѣе въ Ливорнѣ, просили написать насъ на остающіеся тутъ фрегаты; почему и опредѣлены мы были, я на фрегатъ Павелъ, а онъ на фрегатъ Св. Павелъ. Я при семъ случаѣ былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи: человѣкъ мой, о которомъ я выше упоминалъ, сдѣлался боленъ. Надлежало или свезти его и отдать въ Италіянскую больницу, гдѣ онъ ни съ кѣмъ говорить не могъ, или оставить на фрегатѣ Сѣверномъ Орлѣ до будущаго съ нимъ соединенія. Я посовѣтовался съ Лѣкаремъ того фрегата; онъ ска-

залъ мнѣ, что лучше его не трогать, и обѣщалъ смотрѣть за нимъ и стараться его вылѣчить. Такимъ образомъ, остался я безъ слуги. Фрегатъ Сѣверный Орелъ скоро ушелъ, а фрегатъ Павелъ втянулся въ гавань, гдѣ стояли Св. Павелъ и Констанція. Мы двое, я и пріятель мой, Тимирязевъ, наняли въ трактирѣ комнату, дабы въ городѣ имѣть пристанище и не всегда ѣздить на фрегатъ ночевать. Я купилъ нѣсколько Италіянскихъ книгъ, и нанялъ себѣ учителя, которой показался мнѣ весьма знающимъ въ Словесности, и хотя онъ въ скоромъ времени сбирался отправиться въ Америку, однако жъ согласился до тѣхъ поръ ходить ко мнѣ всякой день. Онъ очень любилъ Петрарка, имѣлъ у себя самыя старинныя изданія его, весьма рѣдкія, со многими печатными и рукописными примѣчаніями и объясненіями. Онъ толковалъ мнѣ Сонеты его и Пѣсни. Хотя я въ Италіянскомъ языкѣ былъ еще очень слабъ, и хотя начали мы съ самой трудной книги, однако жъ онъ такъ хорошо объяснялъ, что я самыя труднѣйшія мѣста могъ понимать и восхищаться красотами сего славнаго писателя. Иногда для перемѣны читали мы Тасса. Высокій стихотворецъ сей скоро сталъ душу мою наполнять такимъ сладкимъ восторгомъ и удивленіемъ, что она отъ часу больше жадничала его слушать.

Учителю моему такъ полюбилось бесѣдовать со мною о Петраркѣ и Тассѣ, что онъ вмѣсто двухъ условныхъ часовъ часто просиживалъ со мною по три и по четыре часа, а иногда прихаживалъ и два раза въ день. Мнѣ казалось, что она самъ не меньше Тасса превозносился духомъ, читая его освобожденный Іерусалимъ и не меньше Петрарка влюбленъ былъ въ Лауру.

Мы почти всякой день ночевали въ городѣ и только по утрамъ ходили на свои фрегаты; остальное же время провождали частію въ Казинѣ, частію въ кофейныхъ домахъ, въ театрѣ и нерѣдко по вечерамъ у нашего Консула. Домъ его былъ открытъ для всѣхъ Рускихъ. Семейство его состояло въ слѣдующихъ лицахъ: онъ съ женою, оба уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ; два сына и четыре дочери: Жанина, Тереза, Роза и Беттина, всѣ весьма ласковыя и пріятныя дѣвицы. Часы бесѣдованія обыкновенно провождаемы были игрою въ *венти-уно*. Такимъ образомъ прошло нѣсколько времени. Между тѣмъ случилось на фрегатѣ нашемъ приключеніе, которое, кажется мнѣ, по странности своей заслуживаетъ быть упомянуто: однажды ночевалъ я на немъ и остался на весь день; мы обѣдали всѣ вмѣстѣ въ капитанской каютѣ; во время, какъ мы сидѣли за столомъ, входитъ къ намъ стоявшій на вахтѣ чиновникъ

и сказываетъ Капитану, что пріѣхали на фрегатъ два человѣка. Капитанъ велѣлъ ихъ пустить. Одинъ изъ нихъ высокій ростомъ, въ сертукѣ, съ большею на щекѣ лишеею, а другой низинькой, въ кафтанѣ. Первый, имѣя смутный видъ, подошелъ къ намъ и спрося, кто изъ насъ Капитанъ, сказалъ, что онъ имѣетъ нужду на единѣ съ нимъ переговорить. Между тѣмъ извинялся, что онъ пришелъ въ часъ стола, и просилъ, чтобъ мы остались окончить нашъ обѣдъ. Капитанъ приглашалъ ихъ сѣсть; высокій сѣлъ съ нѣкоторою величавостію, а малорослый не садился, сколько его ни упрашивали. По окончаніи стола мы вышли вонъ, а они остались съ Капитаномъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Капитанъ прибѣжалъ къ намъ съ удивленнымъ и заботливымъ видомъ, и сказываетъ, что этотъ человѣкъ называется Нѣмецкимъ, не упомню какого Двора, Принцемъ, и что, скрывая по нѣкоторымъ причинамъ имя свое, желаетъ нѣсколько часовъ пробыть на фрегатѣ. Капитанъ не зналъ что дѣлать, отказать ли ему или нѣтъ, и послалъ меня еще съ нимъ объясниться. Я вошелъ въ каюту. Онъ сперва на вопросъ мой на Нѣмецкомъ языкѣ, съ кѣмъ я имѣю честь говорить, отвѣчалъ мнѣ, что онъ купецъ; но послѣ, когда я сказалъ ему, что я этого фрегата офицеръ, и что Капитанъ при-

слалъ меня отобрать его желаніе, то онъ отвѣчалъ: О! когда уже вы знаете, то я отъ васъ не скрываюсь; я Принцъ крови, и сей часъ пріѣхалъ сюда изъ Генуи, гдѣ жизнь моя была въ опасности. Я скитаюсь гонимый моимъ отцемъ, и здѣсь не надѣюсь быть безопасенъ, покуда не спишусь съ Англинскимъ Консуломъ. Для того прошу позволить мнѣ остаться на фрегатѣ, доколѣ секретарь мой къ нему съѣздитъ. Я пересказалъ слова его Капитану, который напослѣдокъ рѣшился просьбу его исполнить. Принцъ попросилъ чернилъ и бумаги, написалъ письмо, и послалъ бывшаго при немъ секретаря. Въ сіе время примѣтили мы на немъ подъ сертукомъ Пруской Чернаго Орла орденъ. Секретарь долго ѣздилъ, наконецъ возвратился и сказалъ, что Англинскій Консулъ на охотѣ, и что онъ не могъ его дождаться. Тогда Принцъ, изъявляя великое о томъ безпокойство, сталъ просить, чтобъ позволено ему было до утра остаться на фрегатѣ. Капитанъ долго колебался; однако напослѣдокъ согласился. Приготовили для него ужинъ, послали постель. Между тѣмъ онъ разговаривалъ съ нами на Французскомъ, Италіянскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, игралъ въ карты, и, проигравъ три или четыре червонца, вынулъ кошелекъ и заплатилъ. Онъ просилъ насъ позволить ему наши имена записать въ за-

писную книжку, и увѣрялъ, что сего сдѣланнаго нами ему одолженія никогда не забудетъ. Мы однакожъ сомнѣвались въ его княжествѣ. Поутру Капитанъ послалъ меня къ бывшему тогда проѣздомъ въ Ливорнѣ Маркизу Ковалькаббо, который былъ нашимъ Каммергеромъ, и долго находился въ посольствѣ при разныхъ Нѣмецкихъ Дворахъ. Я пришелъ къ нему и засталъ, что онъ читаетъ Вѣдомости. Я увѣдомилъ его о посѣтившемъ фрегатъ нашъ гостѣ. Онъ захохоталъ и сказалъ: А я теперь лишь объ немъ читаю! Потомъ показалъ мнѣ въ Вѣдомостяхъ статью изъ Генуи, въ которой было сказано: »Пріѣхалъ сюда извѣстный плутъ, та»кой - то примѣтами, который, назвавшись Нѣ»мецкимъ Принцемъ, занялъ было у купцовъ »не малое число денегъ; но обманъ его скоро »открылся; однакожъ онъ съ товарищемъ своимъ »спасся и ушелъ, какъ сказываютъ въ Ливорну.» Я выпросилъ у Маркиза Вѣдомости, и пріѣхавъ на фрегатъ показалъ ихъ Капитану. Онъ, не входя самъ въ каюту, послалъ меня туда, и велѣлъ мнѣ сказать Принцу, что, Принцъ ли онъ или нѣтъ, но на фрегатѣ остаться долѣе не можетъ. Я объявилъ ему сіе приказаніе, и далъ прочитать статью въ Вѣдомостяхъ. Онъ, безъ всякаго смущенія, сказалъ мнѣ, что статья эта написана его врагами, покушавшимися на жизнь

его; но что онъ со временемъ надѣется изобличить ихъ коварство. Сказавъ сіе, поблагодарилъ за ночлегъ, и, выходя съ важностію изъ каюты, далъ капитанскому человѣку два червонца, велѣлъ себя высадить на пристань и куда потомъ дѣвался, неизвѣстно. Мы послѣ слышали о немъ, что онъ не одинъ уже разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, и что онъ свою лишею, которая у него на лицѣ, такъ искусно замазываетъ, что, перемѣняя видъ свой, иногда съ нею, иногда безъ ней, кажется двумя человѣками. Мы удивились дерзости его и не могли понять, какое намѣреніе могъ онъ имѣть, желая посредствомъ обмана пробыть на фрегатѣ, гдѣ ему не можно было сдѣлать никакого плутовства или похищенія, потому что тихонько и безъ вѣдома не могъ съ него съѣхать. Чудны иногда бываютъ хитрости и затѣи плутовъ!

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль мы отпросились съѣздить въ Пизу и Лукку. Я не стану описывать видѣнное мною въ сихъ городахъ, равно какъ и во всѣхъ другихъ, въ которыхъ мнѣ быть случалось; ибо намѣреніе мое не въ томъ состоитъ, чтобъ повторять то, чему во многихъ книгахъ и путешествіяхъ можно находить подробнѣйшія описанія, но я предположилъ себѣ упоминать только о тѣхъ происшествіяхъ, которыя покажутся мнѣ въ жизни моей досто-

памятнѣйшими. Въ Пизѣ между прочимъ всходили мы на извѣстную высокую башню, которая такъ криво стоитъ, что я на самомъ верху по довольно широкой, облегающей вокругъ нее со столбами, но безъ перилъ, площади, не смѣлъ пройти, опасаясь чтобъ не скатиться. Въ Луккѣ, смотря нѣкоторыя церкви и другія любопытства достойныя мѣста, походивъ по валу, гдѣ всѣ прогуливаются, зашли мы въ кофейный домъ, гдѣ было довольное собраніе Луккскихъ кавалеровъ. Такъ называютъ здѣсь всѣхъ благородныхъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ примѣтя, что мы иностранцы, столь были учтивы, что подошли съ нами разговаривать, и, узнавъ о намѣреніи нашемъ недолго у нихъ пробыть, предложили намъ посѣтить ихъ вечернее собраніе; при томъ сожалѣли, что мы не можемъ увидѣть ихъ театра, по причинѣ, что первая пѣвица, которую они очень хвалили, сдѣлалась нездорова. Одинъ изъ нихъ сказалъ, что онъ пойдетъ ее уговаривать, чтобъ она для пріѣхавшихъ сюда Рускихъ офицеровъ хоть чрезъ силу съиграла. Мы поблагодарили его за учтивый для насъ вызовъ, и пожелали сами ее увидѣть. Онъ повелъ насъ къ ней. Мы сказали ей, что наслышась о прекрасномъ ея талантѣ, хотѣли имѣть удовольствіе съ нею познакомиться и очень сожалѣемъ, что болѣзнь ея лишаетъ

насъ величайшей прiятности видѣть ея игру и слышать пѣнiе. Она поблагодарила насъ за посѣщенiе и сказала, что ежели бы хотя малѣйшая была возможность, то бы она конечно поставила себѣ за честь исполнить наше желанiе, но что чувствуемая ею слабость здоровья никакъ того не позволяетъ. Мы не стали ее больше безпокоить и пошли отъ ней домой, куда вскорѣ знакомцы наши заѣхали за нами въ каретахъ и повезли насъ въ собранiе, гдѣ нашли мы весьма хорошо прибранный домъ и не малое число мущинъ и женщинъ, всѣ, по введенному обычаю, въ черномъ платьѣ. Послѣ первыхъ поклоновъ и краткихъ привѣтствiй посадили насъ за разные столы играть въ тресетъ (*). Такимъ образомъ провели мы два или три часа времени, и потомъ разъѣхались. Знакомые наши отвезли насъ къ намъ домой, гдѣ мы, поблагодаря ихъ за ласку, простились съ ними, и на другой день поутру отправились обратно въ Ливорну.

Мы съѣздили еще въ нѣкоторыя окрестныя мѣста, какъ то въ Монтенегро и въ другiя. Изъ Рускихъ нашихъ были въ сiе время въ Италiи: Генералъ-поручикъ Ганибалъ (который скоро уѣхалъ) и Капитанъ морской Коковцовъ.

(*) Италiянское названiе: tre sette, три семерки.

Сей долгое время жилъ въ Мальтѣ и по возвращеніи своемъ въ Россію снова отпущенъ былъ путешествовать. Онъ долго разъѣзжалъ по разнымъ странамъ и потомъ основалъ жизнь свою въ Ливорнѣ. Съ продолженіемъ времени знакомство наше умножилось и пребываніе въ семъ городѣ становилось отчасу пріятнѣе; но между тѣмъ фрегаты наши Св. Павелъ и Констанція приходили въ готовность, а съ тѣмъ вмѣстѣ приближалось и время разстаться съ береговою жизнію и пуститься опять въ море. Сіе обстоятельство тѣмъ больше безпокоило меня, что я, по не имѣнію на Констанціи офицеровъ, переведенъ былъ на сей маленькій фрегатикъ, на которомъ надлежало въ глухую осень плыть по морямъ неизвѣстнымъ въ чужую скучную сторону, изъ Италіи къ Туркамъ. Сіе непріятное воображеніе, смѣшанное съ грустію разставанія съ береговою довольно весело препровожденною нами жизнію, и притомъ еще совершенная неизвѣстность объ оставшихся въ Россіи родныхъ моихъ и знакомыхъ, приводило меня въ уныніе.

V.

Плаваніе отъ Ливорны до Мессины.

Наконецъ пришло время, и мы, послѣ двухъ съ половиною мѣсячнаго пребыванія въ Ливорнѣ, простясь съ Каламаевымъ домомъ и со всѣми нашими знакомыми, въ началѣ 1777 года отправились въ Сицилію. Плаваніе наше при тихихъ вѣтрахъ продолжалось около двухъ недѣль, и хотя Италіянцы говорятъ пословицу: Bocaccia nel inverno é un diavolo nel inferno (безвѣтріе зимою чортъ въ адѣ); однакожъ на сей разъ необыкновенная въ зимнее время тишина вѣтра не произвела послѣ себя никакой чрезвычайной бури. Подходя уже къ Сициліи, гдѣ древніе стихотворцы напугали насъ Скиллами и Харибдами, вѣтеръ сдѣлался довольно свѣжъ и намъ попутной. Это случилось подъ вечеръ, мы обрадовались и смѣривъ по картѣ Сицилію въ такомъ еще разстояніи отъ насъ, что располагая по ходу судна, не прежде можемъ увидѣть ее какъ завтра поутру, прибавили парусовъ и пустились на всю ночь плыть со всевозможною скоростію. Настала темная ночь. Вѣтеръ сталъ прибавляться. Фрегатъ нашъ летѣлъ! Я стоялъ на вахтѣ. Капитанъ спалъ въ каютѣ, и всѣ стоявшіе со мною люди, числомъ

не болѣе двѣнатцати человѣкъ, иные лежа, другіе сидя на палубѣ, дремали; одинъ я и Рулевой (которой рулемъ правитъ) бодрствовали. Вдругъ часу во второмъ или въ третьемъ ночи увидѣлъ я передъ самымъ носомъ судна превеликій пламень, которой въ одно мгновеніе вспыхнулъ и потомъ исчезъ. Я счелъ это за привидѣніе, и самъ своимъ глазамъ не вѣря, спросилъ Рулеваго: видѣлъ ли ты что нибудь? Онъ отвѣчалъ: какъ не видать? передъ нами огонь вспыхнулъ. Тогда тужъ минуту велѣлъ я ему положить руль на бортъ; разбудилъ людей и приведя фрегатъ къ вѣтру легъ въ дрейфъ. (то есть отнявъ ходъ у него остался почти на мѣстѣ, оборотя носъ его въ противную той сторону, куда мы шли). Потомъ разбудилъ Капитана и сказалъ ему о случившемся. Онъ вышелъ на верхъ и спрашивалъ не показалось ли намъ это? но какъ мы оба видѣнное нами утверждали, то онъ и велѣлъ оставаться въ семъ положеніи до утра. По разсвѣтѣ открылись намъ Сицилійскіе берега и мы не далеко отъ насъ увидѣли, малый въ окружности, но со всѣхъ сторонъ утѣсистый и довольно высокой каменной островъ, называемый Стромбулъ. Онъ огнедышущій и весьма рѣдко бросаетъ изъ себя пламень. Мы шли прямо на него, и естьли бы онъ не выкинулъ изъ себя огня, или бы вы-

кинулъ нѣсколько минутъ позже, то бы мы безъ всякаго сомнѣнія ударились и разбились объ его крутыя стѣны. Милость Божія повелѣла ему насъ спасти. Тутъ узнали мы, что въ счисленіи нашемъ была великая погрѣшность, и что мы по картѣ считали себя гораздо далѣе отъ Сициліи нежели въ самомъ дѣлѣ были. Я во время плаванія моего по морямъ примѣтилъ, что какъ бы нѣкій промыслъ провидѣнія печется о спасеніи мореплавателей; онъ поправляетъ ошибочное и немогущее никогда быть вѣрнымъ искуство ихъ; ибо если исчислить непредвидимые случаи, въ которыхъ предстоящая опасность нечаяннымъ образомъ открывается, то сихъ случаевъ несравненно болѣе, нежели кораблекрушеній. Часто бываетъ, что плавающее долговременно судно нѣсколько разъ внезапнымъ образомъ исторгалось изъ угрожавшаго ему бѣдствія. Не явенъ ли здѣсь промыслъ Божій? Да замѣтитъ сіе всякъ мореплаватель, и да сопутствуетъ съ нимъ мысль сія къ ободренію и утѣшенію его въ опасныхъ и сомнительныхъ, толь часто на морѣ случающихся обстоятельствахъ.

VI.

Пребываніе въ Мессинѣ.

Мы пришли въ Мессинскую гавань и стали на якорь. Расположенный по лукоморью Амфитеатромъ городокъ сей прекраснымъ видомъ своимъ прельстилъ наше зрѣніе. Мессинскій проливъ отдѣлялъ отъ насъ простирающійся отъ Неаполя берегъ и холмистую Калабрію. Знаменитая гора Этна во всемъ величествѣ своемъ стояла передъ нами, вознося вершину свою превыше облаковъ. Воображеніе представляло намъ стучащихъ въ ней по наковальнѣ тяжелыми молотами Циклоповъ. Мы съѣхали на берегъ, ходили по городу, были въ театрѣ, проводили вечеръ у одного купца, у котораго въ прекрасномъ домѣ, прекрасная жена, прекрасно играла на клавикордахъ и пѣла. На судахъ нашихъ явилось изобиліе припасовъ, свѣжіе въ тотъже день сорванные съ деревъ лимоны и апельсины. Но мы недолго наслаждались спокойною въ сей пристани стоянкою. Скоро соединились мы съ фрегатомъ Сѣвернымъ Орломъ. Онъ идучи къ намъ, и не встрѣтясь съ нами въ пути, прошелъ въ Ливорну, гдѣ извѣстясь о нашемъ отбытіи, въ слѣдъ за нами пришелъ въ Мессину. Тутъ узналъ я, что оставленный на немъ боль-

ной человѣкъ мой, о которомъ я выше сего упоминалъ, умеръ. Необыкновенное обстоятельство смерти его побуждаетъ меня расказать о семъ. Лѣкарь, которому я поручилъ его, увѣдомилъ меня, что онъ сначала не могъ узнать его болѣзни, но что пришедъ однажды давать ему лѣкарство, услышалъ исходящій отъ него тяжелый запахъ. Онъ сталъ спрашивать, нѣтъ ли у него на тѣлѣ какой болячки? Но какъ человѣкъ запирался въ томъ, то лѣкарь велѣлъ его раздѣть, и тутъ увидѣлъ, что онъ раненъ въ бокъ ножемъ, и что вся рана воспламенилась уже́ антоновымъ огнемъ, отъ котораго спасти было невозможно. Неизвѣстно какая несчастная мысль поселилась ему въ голову не сказывать никому о сей ранѣ, полученной имъ во время драки въ Портъ-Магонѣ. Мнѣ жаль было лишиться человѣка, и тѣмъ больше, что онъ со мною былъ одинъ; но всего пуще сокрушало меня то, что я укорялъ себя въ моей также несчастной къ нему жалости; ибо если бы тогда, когда я за сію драку наказать его хотѣлъ, не сжалился я надъ нимъ и велѣлъ его раздѣть, то открылось бы, что онъ раненъ, и тогда рану сію легко бы можно было залѣчить. Долго не могъ я выкинуть сего изъ головы своей, почитая себя какъ бы виновникомъ его смерти.

VII.

Плаванiе изъ Мессины до острова Лонги или Порта Мандры и пребыванiе въ ономъ.

Мы скоро отправились изъ Мессины. Я перешелъ опять на фрегатъ Сѣверный Орелъ, и былъ очень тѣмъ доволенъ. По четырехъ дневномъ плаванiи, прошедъ мысы Спартивенто и Матапанъ, увидѣли мы островъ Чериго, баснословное жилище Венеры, называемое нѣкогда Цитерою. Между имъ и лежащимъ въ нѣкоторомъ отъ него разстоянiи островомъ Кандiею (древнимъ Критомъ) вступили мы въ Архипелагъ, и на другой день между Ромелiйскимъ берегомъ и островомъ Лонго, въ Портѣ называемомъ Мандра, стали на якорь. Тутъ нашли мы Турецкой фрегатъ, съ которымъ когда поравнялись, то увидѣли, что у него люди стоятъ по пушкамъ въ готовности палить изъ нихъ. Мы къ своимъ поставили также людей съ приказанiемъ начать бой, какъ скоро они откроютъ огонь. Между тѣмъ послали къ нимъ офицера сказать, что у насъ миръ и мы не пришли съ ними воевать. Тогда Капитанъ Турецкiй сталъ требовать салюта (поздравленiя). На это офицеръ нашъ сказалъ ему: »вы хозяева, а мы у васъ гости; и такъ, слѣдуя учтивости, не мы

васъ, а вы напередъ должны насъ поздравить.« Турка убѣдился его словами, и отсалютовалъ намъ изъ нѣсколькихъ пушекъ, на что мы ему тѣмъже числомъ выстрѣловъ отвѣчали, послѣ чего онъ снялся съ якоря и ушелъ. Здѣсь назначено было *рандеву* (*). Фрегаты Павелъ и Святый Павелъ скоро за нами пришли, а о Констанціи долго мы были въ сомнѣніи и напослѣдокъ узнали, что она, по причинѣ крѣпкаго вѣтра, прошла прямо въ Константинополь. Мы, какъ въ ожиданіи Констанціи, такъ и за противными вѣтрами стояли тутъ около трехъ недѣль. Отъ сего мѣста не болѣе дватцати верстъ находится славный въ древнія времена городъ Аѳины, который нынѣ знаменитъ токмо развалинами своими. Сильное любопытство влекло меня увидѣть сей городъ; но сначала препятствовали тому крѣпкіе вѣтры, потомъ трудность сыскать лошадей и наконецъ безпрестанное ожиданіе благополучнаго вѣтра, съ которымъ должны мы были тотчасъ, какъ

(*) Употребительное у мореплавателей Французское слово, соотвѣтствующее нашему *свиданіе*. То есть, когда идущія подъ предводительствомъ одного многія суда на морѣ разлучатся, то каждому изъ нихъ напередъ объявляется, куда идти для соединенія съ прочими, которыя тамъ будутъ его дожидаться.

скоро онъ настанетъ, сняться съ якоря и идти въ путь. Мы часто съѣзжали на берегъ, на сію толико въ Греческихъ бытописаніяхъ прославленную землю, называемую Аттикою, ходили по пустымъ едва обитаемымъ мѣстамъ, ничего не попадалось намъ на ней примѣчанія достойнаго, кромѣ, что находили индѣ, почти уже сравнявшіеся съ землею, подножія огромныхъ мраморныхъ столповъ, которые хотя и сохранили еще видъ свой, но были уже такъ рухлы, что ихъ можно было какъ песокъ брать рукою. Мы видѣли также нѣсколько новѣйшихъ Греческихъ часовенъ съ написанными на стѣнахъ ихъ изображеніями Святыхъ и не могли надивиться буйству и злочестію безбожныхъ Французовъ, которые, заходя иногда въ сей Портъ, не оставили ни одной часовни безъ того, чтобъ не обезобразить лицъ Святыхъ, и не начертать вездѣ насмѣшливыхъ и ругательныхъ подписей. Удивительно до какой злобы и неистовства доводитъ развращеніе нравовъ! Пусть бы сами они утопали въ безвѣріи, но за чѣмъ же вѣроисповѣданіе другихъ, подобныхъ себѣ Христіанъ, ненавидѣть? Для чего Турки не обезобразили сихъ часовенъ? Для чего не иной какой языкъ читается въ сихъ гнусныхъ надписяхъ, какъ только Французской? За то мы видимъ и плоды отъ того прекрасные! Однажды пошли мы съ

пріятелемъ моимъ Тимирязевымъ далѣе по горамъ, на одинъ высокій мысъ, называемый *Колонно*. Онъ получилъ сіе названіе по сохранившимся на немъ мраморнымъ столпамъ, или колоннамъ, которые суть остатки какого нибудь великолѣпнаго въ древности храма. Разсматривая ихъ мы воспламенились снова желаніемъ увидѣть Аѳины и какъ оныя уже были отъ насъ не далѣе пятнадцати верстъ, то мы не смотря на великую нашу усталость, рѣшились идти туда пѣшкомъ въ надеждѣ, что авось-либо тамъ найдемъ кого нибудь, съ кѣмъ познакомимся и можетъ быть оттуда насъ привезутъ на лошадяхъ. Сія мысль прельстила насъ, и мы пошли; но едва только успѣли взойти на первую гору, какъ услышали пушечный выстрѣлъ и увидѣли на фрегатѣ нашемъ марсель-лосъ (знакъ сниманія съ якоря). Такимъ образомъ, оставя всѣ наши мечты объ Аѳинахъ, принуждены мы были, не жалѣя ногъ, бѣжать къ своимъ фрегатамъ, и лишь только на дожидавшейся насъ у берега шлюбкѣ пріѣхали на нихъ, то и вступили подъ паруса. Въ тожъ время перемѣщенъ я былъ съ фрегата Сѣвернаго Орла на фрегатъ Павелъ. Сія перемѣна сдѣлана была по желанію моему, и хотя съ одной стороны не хотѣлось мнѣ разстаться съ прежнимъ моимъ жилищемъ, но какъ съ другой безъ сего надлежало мнѣ отка-

заться отъ удовольствія быть въ Константинополѣ, потому что Сѣверный Орелъ, будучи военнымъ фрегатомъ не могъ туда идти, то и предпочелъ я нехотѣнію сойти съ него любопытство увидѣть сію древнюю Греческихъ Царей столицу.

VIII.

Плаваніе изъ Порта Мандры до острова Тенедоса и стоянка при ономъ.

Мы отправились отъ острова Лонги или изъ Порта Мандры Генваря 14 (1777), миновали островъ Паросъ, знаменитый своими мраморами; прошли островъ Сиро; видѣли островокъ Калугеръ, кажущійся изъ дали пловущимъ подъ парусами судномъ, и по двудневномъ плаваніи пришедъ къ острову Тенедосу стали на якорь. Я спѣшилъ съѣхать на берегъ, дабы побывать въ томъ мѣстѣ, откуда нѣкогда Агамемнонъ, Ахиллъ, Улиссъ, Менелай и другіе Греческіе Цари, готовились со флотомъ идти на противулежащій верстахъ въ двадцати берегъ, на которомъ стояла славная Троя. Мы зашли въ кофейный домъ, гдѣ было нѣсколько Турокъ. Двое изъ нихъ молодые, опрятно одѣтые люди, прила-

скались къ намъ и подчивали насъ кофіемъ, трубкою табаку и конфектами. Тутъ случился переводчикъ и чрезъ него могли мы съ ними разговаривать. Они расказывали намъ, что въ прошедшую войну были во многихъ съ нашими войсками сраженіяхъ, а особливо упоминали о Модонской крѣпости, подъ которою мы имѣли неудачную битву. Мы дали имъ волю тѣмъ хвалиться, не вспоминая ни о сраженіи флота ихъ подъ Чесмою, ни о другихъ многократныхъ битвахъ, въ которыхъ они были побѣждены. Когда мы стали съ ними прощаться, то они вызвались проводить насъ до шлюпки. Мы предложили имъ не хотятъ ли они увидѣть нашъ фрегатъ; они сперва отговаривались позднимъ временемъ, сказывая что гавань къ вечеру запирается; однакожъ послѣ согласились и поѣхали съ нами. Сидя въ шлюпкѣ они изъявляли намъ разныя по своему обычаю привѣтствія и ласки, изъ которыхъ иныя были весьма странны. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ сидя со мною рядомъ, вдругъ, не говоря ни слова, перстомъ своимъ мазнулъ меня чѣмъ-то жидкимъ по губамъ, такъ что я содрогнулся отъ испуга. Это была душистая мазь; онъ думалъ сдѣлать мнѣ этимъ нечаянную пріятность. По пріѣздѣ на фрегатъ мы провели ихъ въ *каютъ-компанію* (общая для всѣхъ офицеровъ комната) и какъ надобно было

намъ также чѣмъ нибудь ихъ поподчивать, то между прочимъ велѣли мы подать бутылку вина, и хотя знали, что Туркамъ законъ ихъ запрещаетъ пить вино, однакожъ спросили у нихъ не хотятъ ли они отвѣдать нашего напитка? Они сперва взглянули другъ на друга и стали отговариваться, но потомъ, когда мы имъ сказали, что это не вино, а шербетъ (родъ Турецкаго лимонада), то они попросили и каждый выпилъ рюмку свою такъ, что не оставилъ въ ней ни капли. Спустя не много они сами стали просить еще поподчивать ихъ, потомъ и въ другой разъ и въ третій, и наконецъ такъ часто, что присутствіе ихъ стало становиться намъ въ тягость, и тѣмъ больше, что уже вино произвело надъ ними свое обыкновенное дѣйствіе. При томъ же и Капитанъ прислалъ къ намъ съ выговоромъ, что мы, не спрося у него позволенія, привезли гостей и долго ихъ у себя держимъ. Мы видя, что они сами не ѣдутъ и не зная, какъ ихъ сжить съ рукъ, велѣли имъ сказать, что шлюпка для нихъ готова, и что опасаемся долѣе держать ихъ, по причинѣ, какъ они сами сказывали, что гавань къ ночи запираютъ. Они отвѣчали, что она давно уже заперта, но что это не мѣшаетъ остаться имъ еще долѣе. Капитанъ между тѣмъ прислалъ повторительно свой выговоръ. И такъ принуждены

мы были сказать имъ безъ всякихъ околичностей, что имъ надобно ѣхать, и что мы хотимъ сниматься съ якоря. Тогда одинъ изъ нихъ выбѣжалъ на верхъ и возвратясь сказалъ, что намъ сниматься ни какъ не льзя по причинѣ ночи и противнаго вѣтра. Мы погодили еще съ полчаса, и наконецъ должны были сказать имъ, что намъ обоимъ надобно идти къ своей должности, и мы не можемъ долѣе съ ними оставаться. Они отвѣчали, чтобъ мы шли и объ нихъ не заботились: они посидятъ покамѣстъ одни. Проговоря сіе одинъ изъ нихъ налилъ двѣ рюмки вина и одну выпилъ самъ, а другую поднесъ своему товарищу. Не зная, что намъ дѣлать съ такими нахальными гостьми, мы ушли отъ нихъ и поручили переводчику сказать имъ, что мы не возвратимся, и чтобъ они ѣхали. Но какъ они и тутъ еще хотѣли оставаться и не шли изъ каюты, то напослѣдокъ рѣшились мы послать къ нимъ нѣсколько человѣкъ матросовъ, взять ихъ, насильно посадить въ шлюпку и отвезти на берегъ. Такимъ образомъ пяти или шести часовое знакомство наше началось великою учтивостію и кончилось великою грубостію.

IX.

Плаваніе отъ острова Тенедоса до Константинополя.

Чрезъ нѣсколько дней мы разстались съ Сѣвернымъ Орломъ и прошедъ первые Дарданеллы вступили въ проливъ, соединяющій Архипелагъ, или какъ Турки называютъ, Бѣлое море, съ древнимъ Пропонтидомъ или нынѣшнимъ Мраморнымъ моремъ. Плаваніе по проливу, простирающемуся около двухъ сотъ верстъ въ длину, между крутыми и прекрасными берегами, отстоящими другъ отъ друга не далѣе четырехъ или пяти верстъ, показалось мнѣ весьма пріятнымъ. Мы часто за противнымъ вѣтромъ останавливались на якорь, и мнѣ случалось неоднократно гулять или ходить съ ружьемъ до полудня въ Европѣ, а послѣ полудня въ Азіи. Въ одно время остановились мы близъ небольшой крѣпостцы, которую поѣхали изъ любопытства посмотрѣть. Начальникъ этой крѣпости зазвалъ насъ обѣдать. Мы сѣли не за столъ, а за нѣкакой поставленный посреди комнаты на низенькихъ ножкахъ подносъ, на которой ставили по одному блюду и ѣли руками, по тому что не было ни одного прибора. Двое Турокъ и трое насъ сидѣли вокругъ сего подноса. Турки под-

жавъ ноги, а мы протянувъ свои, и опираясь лѣвою рукую въ полъ; ибо отъ непривычки не могли такъ сидѣть, какъ они.

Сіе положеніе между лежаньемъ и сидѣньемъ, было для насъ такъ трудно, что мы принуждены были перемѣнять оное, поворачиваясь то на правой, то на лѣвой бокъ. Хозяинъ былъ человѣкъ уже довольно пожилой, но по видимому веселый и гуляка: онъ велѣлъ подать вина, подносилъ намъ и самъ пилъ по крайней мѣрѣ втрое противъ насъ, такъ что изъ за стола всталъ съ примѣтною очень шумною головою; другой напротивъ того также не молодой Турка, сидѣлъ важно и чинно, ничего не говорилъ, вина не пилъ и казался быть весьма угрюмымъ. Хозяинъ шутилъ надъ нимъ въ слухъ; посмотрите какъ этотъ дуется, онъ вѣрно хочетъ донесть на меня, что я пью съ вами вино. Такой разговоръ хозяина тѣмъ больше насъ удивлялъ, что сей угрюмый Турокъ, казалось, словами его былъ очень недоволенъ. Напослѣдокъ обѣдъ кончился: мы встали; я на силу могъ приподняться, такъ отсидѣлъ или лучше сказать отлежалъ руки и ноги. На другой день пригласили мы ихъ къ себѣ на фрегатъ обѣдать, они пріѣхали и мы, похоже на басню журавль и лисица, отплатили имъ взаимною неудобностію: мы у нихъ лежали протянувъ ноги за низенькимъ подно-

сомъ и ѣли руками, а они у насъ сидѣли за высокимъ столомъ на стулѣ и должны были горячее хлѣбать ложкою, которую не умѣли взять въ руки и поминутно обжигались. По отъѣздѣ ихъ отъ насъ мы снялись съ якоря и продолжали свой путь. Однажды остановились и также съѣхавъ на Азiатской берегъ зашли мы въ лежащее на немъ мѣстечко, и проходя оное увидѣли бѣгущаго за нами человѣка, который сказалъ намъ, что господинъ его проситъ насъ къ себѣ въ гости. Мы согласились послѣдовать за нимъ, и вошли въ небольшой, но весьма изрядной домикъ, въ которомъ два богато одѣтые Турка сидѣли на диванѣ. Одинъ изъ нихъ (по видимому хозяинъ) просилъ насъ сѣсть. Два Арапа подали намъ кофе и трубки съ табакомъ. Каждый изъ нихъ держалъ еще въ рукѣ хрустальную чашку съ мѣлкимъ розоваго цвѣта сахаромъ. Турки вмѣстѣ съ нами пили кофе и, что показалось намъ странно, чванство и нѣга ихъ были такъ велики, что они лѣнились сами брать сахаръ изъ чашки, а служащiе имъ Арапы, черпая оный ложечкою, подносили и клали имъ въ разинутой ротъ, какъ будто безрукимъ. Они долго разговаривали съ нами, распрашивая о разныхъ вещахъ и между прочимъ сказали, что хотя мы недавно были съ ними въ войнѣ, но теперь возстановилась между нами прiязнь,

и мы должны забыть прошедшую вражду. Мы увѣряли ихъ, что миръ и дружба съ ними намъ весьма пріятны, поблагодарили ихъ за ласку, откланялись и пошли на свой фрегатъ. Скоро потомъ вступили подъ паруса и продолжая плаваніе наше прошли вторые Дарданеллы, которые, по причинѣ быстраго противнаго теченія и крутаго заворота пути, ведущаго подъ самыя пушки крѣпости, суть самые трудные для прохода непріятельскому флоту въ Константинополь. По входѣ въ Мраморное море спокойное плаваніе наше перемѣнилось въ крайне безпокойное, а особливо въ одну ночь, всѣ мы очень измучились: вѣтръ безпрестанно перемѣнялся и не сохранялъ ниже 10 минутъ одинакаго направленія и силы; вдругъ изъ самаго тихаго дѣлался самымъ крѣпкимъ, и между тѣмъ какъ съ одной стороны стихалъ, съ другой съ новою лютостію начиналъ свистать, такъ что при малѣйшей неосторожности въ уборкѣ парусовъ могъ сломать мачты. Люди не могли отходить отъ снастей, и я не могъ ни на минуту выпустить трубы изъ рукъ. Крикъ и работы всю ночь продолжались безъ умолку. Причиною сему полагать должно гористые сего моря берега: теченіе воздуха иногда препинается, иногда же вырвавшись изъ ущелинъ тѣмъ сильнѣйшее пріобрѣтаетъ стремленіе. Наконецъ поутру от-

крылся намъ Царь-градъ. Высокія башни и толстыя мечети его представлялись посреди великаго множества мѣлкихъ домовъ, изгибисто на семи холмахъ усѣянныхъ. Надъ нимъ носилось густое облако дыма. Пловущихъ насъ къ нему сопровождали превеликія стада кувыркающихся дельфиновъ и летающихъ гагаръ и чаекъ.

Мы прошли лежащій на мысу Сарай (Султанской дворецъ) и вошли въ проливъ, соединяющій Черное море съ Мраморнымъ. Четыре фрегата наши: Григорій, Наталія, Св. Павелъ и Констанція, стояли уже прикрѣпясь къ берегу противъ части города, называемой Топхана. Мы стали между ими.

X.

Пребываніе въ Константинополѣ.

Осмотръ.

Тотчасъ явились къ намъ досмотрщики, съ длинными желѣзными шестами, которыми, пропуская ихъ сквозь песокъ, ощупывали не имѣемъ ли мы зарытыхъ на днѣ судна пушекъ, и хотя дѣйствительно, по звуку ударенія желѣза въ желѣзо, могли оныя ощупать, однакожъ звукъ

подареннаго имъ золота, заглушилъ сей звукъ желѣза и принудилъ ихъ написать, что ничего не нашли.

Опасность нашего положенія.

Въ тотъ же день явились мы къ Посланнику нашему Стахееву, отъ котораго узнали, что Французы внушили Туркамъ подозрѣніе, будто мы нагружены пушками, порохомъ, всѣми воинскими снарядами, и на военныхъ судахъ, подъ видомъ купеческихъ, хотимъ пройти въ Черное море. Отчасти это была правда, но въ нѣсколько разъ увеличенная. Турки, напуганные сими предварительными внушеніями, подослали къ намъ, когда еще мы были въ Ливорнѣ, соглядатая, который умѣлъ хорошо говорить по Руски, назывался Рускимъ, бывшимъ въ неволѣ у Алжирцевъ, откуда будто бы бѣжалъ, и услыша о приходѣ нашихъ судовъ, пришелъ въ Ливорну съ прозьбою, чтобъ его принять въ число служителей. Онъ былъ принятъ и по прибытіи нашемъ въ Константинополь сбѣжалъ, явился въ Диванѣ (верховное судилище Турецкое), и насказалъ объ насъ, что фрегаты наши начинены порохомъ и люди на нихъ посланы такіе, которые всѣ осуждены были на смерть, и только съ тѣмъ освобождены отъ оной, чтобъ

пройти въ Черное море, или въ случаѣ возбраненія въ томъ, сожечь Константинополь. Сіи слухи, которымъ, при всей ихъ нелѣпости, отчасти можетъ статься было повѣрено, вмѣсто вреда принесли намъ пользу. Турецкое Правительство положило сдѣлать на суда наши нападеніе, взять ихъ, вынуть рули и всѣхъ насъ посадить въ башню, покуда не будетъ рѣшено, миръ ли у насъ продолжится съ ними, или война. О семъ намѣреніи Дивана прислано было къ намъ увѣдомленіе отъ нашего Посланника, который на вопросъ: что намъ дѣлать, отдаться ли или обороняться? отвѣчалъ намъ: »мое дѣло было васъ предувѣдомить, а ваше по воинскимъ вашимъ правиламъ рѣшиться, какъ въ такомъ случаѣ поступать.« Сіе обстоятельство наводило намъ крайнее безпокойство. На всѣхъ нашихъ фрегатахъ было съ небольшимъ тритцать пушекъ и около четырехъ сотъ человѣкъ служителей. Съ одной стороны столь малыя силы, посреди толь многолюдной столицы, представляли невозможность обороняться, а съ другой народная гордость и стыдъ покориться безъ всякаго сопротивленія такому народу, который мы всегда побѣждать привыкли, казалось покроетъ насъ вѣчнымъ срамомъ и укоризнами. Иностранцы, приходившіе иногда на суда наши, любопытствовали знать, будемъ ли мы оборо-

няться, или нѣтъ; ибо слухъ о нападеніи на насъ по всему городу распространился. Мы были въ крайнемъ недоумѣніи. Посланникъ отрицался распоряжать нашими дѣйствіями. Каждый Капитанъ на своемъ фрегатѣ, поелику всѣ оные были подъ купеческими флагами, считалъ себя не зависящимъ отъ другаго начальникомъ. Отсюду иные хотѣли лучше умереть, нежели отдаться безъ обороны, другіе напротивъ того утверждали, что такое безполезное сопротивленіе было бы весьма неблагоразумное отчаяніе, которымъ и самое Правительство наше будетъ недовольно.

Отважность Капитана Мосолова.

При сихъ разныхъ толкахъ, вдругъ въ одну довольно темную ночь увидѣли мы на лежащемъ противъ насъ берегу превеликую вокругъ Султанскаго дворца тревогу, шумъ и бѣганье взадъ и впередъ, множество людей съ зажженными фонарями. Мы положили навѣрное, что это вооруженіе противъ насъ. Одинъ изъ нашихъ фрегатовъ (Наталія) поднялъ тотчасъ якорь, отрубилъ веревки, которыми прикрѣпленъ былъ къ берегу, зарядилъ пушки картечью, подвинулся на средину залива и приготовился отстрѣливаться, какъ скоро на него нападать станутъ. Одна-

кожъ дѣло обошлось безъ кровопролитія. Мы вскорѣ на нашей сторонѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ увидѣли большой пожаръ, на которой самъ Султанъ, со множествомъ сопровождавшихъ его, поплылъ на лодкахъ. Послѣ сего приключенія, слухи о нападеніи на насъ стали умолкать и мы сдѣлались спокойнѣе. Можетъ быть расказы сбѣжавшаго отъ насъ соглядатая, что суда наши начинены порохомъ и мы всѣ люди отчаянные, способствовали не мало къ отвращенію Турокъ отъ сего предпріятія. Страхъ будущаго мщенія и настоящей опасности могъ ихъ поколебать. Въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ единодушнаго отпора, хотя бы мы при толь великомъ неравенствѣ силъ и должны были наконецъ погибнуть, однакожъ Султанской дворецъ и окрестные домы могли бы много потерпѣть отъ нашихъ ядеръ и картечь.

Приключеніе съ матросомъ.

При томъ же случившееся нечаянно приключеніе долженствовало мысль ихъ объ отчаянности нашей еще болѣе подтвердить: одинъ изъ нашихъ матросовъ пошелъ въ городъ и опоздалъ возвратиться назадъ. Турки обыкновенно съ закатомъ солнца уходятъ домой и никто на улицѣ не остается. Часть города, въ ко-

торой онъ былъ, къ вечеру запирается и ключъ отъ воротъ относится къ Коменданту. Между тѣмъ ходитъ Турецкой дозоръ, состоящій изъ одного офицера и человѣкъ десяти или двѣнатцати вооруженныхъ людей. Матросъ, не зная ничего объ этомъ, возвращается къ воротамъ и находитъ ихъ запертыми. Онъ покушается выдти, но никакъ не можетъ. Вдругъ видитъ онъ идущихъ къ нему Турокъ. Это былъ дозоръ. Турки хотятъ ему растолковать, что ворота заперты, и что ему надобно идти съ ними къ Коменданту, дабы для выпуска его выпросить ключъ. Матросъ не понимаетъ ихъ и думаетъ, что они хотятъ его взять и отурчить. Онъ противится, нейдетъ. Они приступаютъ къ нему и ведутъ насильно. Онъ вырывается изъ рукъ ихъ, и не имѣя инаго орудія, сжимаетъ кулаки и начинаетъ съ ними драться. Нѣкоторымъ изъ нихъ досталось по тяжелому удару, не выключая и самаго офицера; напослѣдокъ они его преодолѣли, сбили съ ногъ, связали и привели къ Коменданту. На другой день донесено было о семъ самому Султану. Вышло отъ него повелѣніе: матроса отвести на фрегатъ и требовать, чтобъ онъ за дерзкой съ дозоромъ поступокъ при свидѣтельствѣ сего посланнаго былъ казненъ. Бѣднаго матроса слегка высѣкли кошками, объявя приведшему его отъ Дивана чинов-

нику, что у насъ тяжелѣ сего наказанія не бываетъ. Можетъ быть сія отважность одного безоружнаго человѣка, не устрашившагося противустать двѣнатцати вооруженнымъ, прибавила нѣчто къ прежнимъ слухамъ и увеличила опасеніе напасть на такихъ отважныхъ людей.

Предпріемлемыя мѣры для уменьшенія въ Туркахъ подозрѣнія.

Между тѣмъ для уменьшенія подозрѣнія въ Туркахъ велѣно было фрегату Григорію наняться отвезти нѣкоторый грузъ въ Смирну и другія мѣста, дабы чрезъ то изъявить, что это не военныя, а торговыя суда; онъ нанялся, нагрузился и пошелъ. Сверхъ сего отъ Посланника нашего строго приказано было, чтобъ не имѣть по ночамъ стражи и показывать весь видъ совершенно купеческихъ судовъ. Сими и подобными тому средствами наконецъ достигли до того, что Правительство Турецкое отмѣнило свое намѣреніе и слухи о нападеніи на насъ совсѣмъ прекратились.

Знакомства наши и мои занятія.

Пребываніе наше въ Константинополѣ имѣло довольно пріятностей. Мы часто обѣдали и

проводили вечера у Посланника нашего Стахеева, также и у другихъ Посланниковъ тѣхъ державъ, которыя были въ согласіи съ нашимъ Дворомъ. Сіи вечернія собранія, по причинѣ разности одеждъ, похожи были на маскерады. Танцы и карточная игра въ банкъ многихъ занимали и увеселяли. Сверхъ сего мы познакомились со многими домами живущихъ въ Перѣ (*) Европейцевъ, такожъ Драгомановъ (**) и другихъ Грековъ, куда по вечерамъ же схаживались разныхъ Державъ пожилые и молодые люди, провождая время въ разговорахъ и различныхъ играхъ. Женщины здѣшнія (разумѣется Гречанки и другія; ибо Турчанокъ не можно иначе видѣть, какъ только на улицѣ, и то съ закрытымъ лицемъ) весьма обходительны и ласковы. Почти всякая изъ нихъ говоритъ на всѣхъ языкахъ, по причинѣ всегдашняго обращенія ихъ съ людьми разныхъ государствъ. Онѣ носятъ на головѣ турбанъ, обвитый ихъ

(*) Часть города, лежащая на горѣ, и отдѣляющаяся заливомъ отъ той части города, которая собственно называется Константинополемъ, или Царь-градомъ, или по Турецки Стамбуломъ. Въ Перѣ живутъ всѣ Европейскихъ дворовъ Посланники со всѣми при нихъ чиновниками, также и поселившіеся или пріѣзжающіе на время иностранцы.

(**) Переводчики при Турецкомъ дворѣ и при Посланникахъ, большею частію Греки.

волосами; одѣваются въ тонкое платье, обнажають грудь и опоясываются поясомъ съ большею на переди бляхою. У хорошихъ женщинъ станъ высокій, лице орлиное, поступь величественная. Жена переводчика нашего Лашкарева почиталась въ сіе время красавицею. Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ почти ежедневно были въ сихъ собраніяхъ; но я не раздѣлялъ съ ними ихъ удовольствій, или участвовалъ въ томъ очень мало, провождая по нѣскольку дней сряду въ уединеніи, запершись съ книгами въ маленькой моей каютѣ. На это были многія причины: безпокойный нравъ и сварливость моего начальника наводили мнѣ много скуки и огорченія; не было никакой возможности съ нимъ ужиться; никакая осторожность не помогала; никакого терпѣнія недоставало. Къ сему присовокупилось еще несравненно горестнѣйшее обстоятельство: я получилъ изъ Россіи письмо, увѣдомившее меня о смерти весьма близкой къ сердцу моему особы.

Послѣ долгаго сидѣнья моего на фрегатѣ сталъ я напослѣдокъ изрѣдка съѣзжать съ онаго. Промежутки мирныхъ временъ съ Капитаномъ при умѣренныхъ моихъ желаніяхъ ходить по пирамъ и бесѣдамъ, доставляли мнѣ еще столько свободы, что я могъ иногда и на нихъ бывать, и отлучаться въ другія мѣста, для удо-

влетворенія моего любопытства. Однажды ѣздилъ я по лежащему къ западу заливу, называвшемуся нѣкогда Церасскимъ и по проливу простирающемуся верстъ на тритцать къ сѣверу отъ устья Мраморнаго до устья Чернаго моря, проѣзжая по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ополченный противу Скиѳовъ Дарій перевелъ нѣкогда многочисленныя войска свои по мосту; гдѣ были города: Никополисъ, Мирлетонъ, дворецъ Царя Амикуса, Іероновъ храмъ, Тимѣевъ маякъ и другія достопамятныя въ древности мѣста. Проливъ сей извѣстенъ былъ прежде подъ именемъ Ѳракійскаго босфора. Онъ начинается отъ двухъ мысовъ Мраморнаго моря, изъ которыхъ на Европейскомъ лежалъ городъ Византія (нынѣ Константинополь), а на Азіятскомъ Калхидонія или Хризополь, и отселѣ въ неравныхъ широтахъ, раздѣляя Европу отъ Азіи, идетъ къ Черному морю или Евксинскому понту; берега его украшены зеленью и холмами. Нынѣ на Европейскомъ берегу, близъ устья Чернаго моря, находится мѣстечко, называемое Буюкдери, которое состоитъ изъ загородныхъ домовъ, выстроенныхъ Европейскими Посланниками, куда они лѣтомъ или во время чумы уѣзжаютъ жить. Мы заходили въ одинъ изрядно убранный Султанскій домикъ, но Турки не даютъ долго останавливаться и разсматривать, думая можетъ

быть, что подобныхъ диковинокъ въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ, и что для того довольно взглянуть на нихъ и бѣжать скорѣе вонъ. Чрезъ нѣсколько дней, когда мы были въ славномъ и великолѣпномъ храмѣ, что былъ нѣкогда церковію святыя Софіи, а нынѣ сталъ мечетью (такъ называютъ Турецкіе молитвенные храмы), Янычары, сопровождавшіе насъ, также не дали намъ долго застаиваться и насыщать наше зрѣніе. Но здѣсь они правы; ибо въ каждомъ находящемся во внутренности сего зданія Христіянинѣ раждается желаніе обратить оное въ прежнюю православную церковь; каждый думаетъ:

Giusto é ritor ciò ch'a gran torto é tolto (*).

То есть: »Праведно отобрать назадъ то, что съ великою неправдою было отнято.«

Екатерина Великая ослабила исполинскую силу Магометанской Порты, назвала Внука своего Константиномъ и обучала его Греческому языку, дабы нѣкогда, по освобожденіи Греціи изъ оковъ Магометанства, содѣлать его царствующимъ въ Константинополѣ. Она имѣла тогда свои на то виды, которые послѣ ней съ теченіемъ времени и при перемѣнахъ политическихъ въ Европѣ обстоятельствъ измѣнились и приняли иное направленіе.

(*) Тассъ въ освобожденномъ Іерусалимѣ, пѣснь 2, строфа 25, стихъ 2.

Святая недѣля.

Впрочемъ Турокъ нельзя кажется укорять нетерпимостію къ Христіянской вѣрѣ. Въ Свѣтлое Воскресеніе Христово, служба въ Греческихъ церквахъ начинается, также какъ и у насъ, въ самую полночь. Я не могъ въ сей день надивиться спокойствію Магометанъ. Всѣ Христіянскія въ Перѣ церкви освѣщены были и наполнены людьми. Служба, облаченіе священниковъ, обряды, пѣснопѣніе, совершаются съ полною свободою и безопасностію. Народъ въ великомъ количествѣ ходитъ по улицамъ съ фонарями, и нигдѣ нѣтъ ни одного Турка. Всѣ они благополучно спятъ и съ ними, кажется, спитъ всякое подозрѣніе; такъ что въ сію ночь забываешься, и ни какъ не думаешь быть въ Турецкомъ городѣ. Торжество Христіянъ было въ сей день гораздо примѣтнѣе, нежели торжество Турокъ въ ихъ праздники, въ которыхъ однакожъ понравилось мнѣ освѣщеніе Константинополя. Изъ множества здѣшнихъ мечетей при каждой находится по нѣскольку тонкихъ и высокихъ башенъ, которыя служатъ вмѣсто нашихъ колоколенъ (*). Сіи башни, называемыя минаретами,

---

(*) Турки не имѣютъ колоколовъ, но люди, всходящіе на сіи башни, вмѣсто звона, крикомъ своимъ сзываютъ на молитву.

имѣютъ въ вершинѣ своей нѣсколько тройныхъ поясовъ, одинъ другаго ниже. Сіи поясы обставляются каждый тремя рядами плошекъ, которыя, когда зажгутся, то чѣмъ темнѣе ночь, тѣмъ прекраснѣйшій дѣлаютъ видъ; ибо не видя башень, видишь, какъ бы на воздухѣ, множество огней.—Изъ Перы въ Стамбулъ переѣзжаютъ на лодкахъ. Заливъ сей покрытъ всегда разъѣзжающими взадъ и впередъ гребными судами. Турецкія лодки, а особливо десятивесельныя, отмѣнно легки. Одинъ человѣкъ гребетъ двумя веслами, при каждомъ ударѣ привставая, и лодка летитъ какъ птица.

Торжественное свиданіе съ Визиремъ.

Во всю нашу бытность Посланникъ нашъ имѣлъ одинъ только разъ торжественное свиданіе съ Визиремъ.—Мы никто не носили мундировъ по той причинѣ, что суда наши были подъ купеческими флагами; но въ этотъ день намъ четверымъ кадетскимъ офицерамъ, потому что мы имѣли нарядные мундиры, велѣно было надѣть ихъ и составить свиту Посланника. Съ тѣхъ поръ объявили насъ военными офицерами, путешествующими на купеческихъ судахъ и мы могли ходить въ мундирахъ. Обрядъ свиданія происходилъ съ обыкновенною Азіятскою пышностію. Насъ перевезли на лодкахъ. На другой

сторонѣ для одного Посланника приготовлена была верховая лошадь, а мы всѣ шли за нимъ пѣшкомъ. Дорогой одна баба шла за нимъ и кричала нѣчто по Турецки. Никто ее не отгонялъ и не унималъ. Сказываютъ, что она объясняла ему свои обстоятельства и просила подаянія. По приходѣ въ Султанскій дворецъ привели насъ въ большую комнату, наполненную множествомъ людей. Послѣ нѣкотораго ожиданія отворились двери и два человѣка вели подъ руки окутаннаго богатыми шубами Визиря. Весь комнатный народъ прокричалъ ему три раза какія-то поздравительныя слова. Онъ сѣлъ на приготовленное для него сѣдалище, и на другое, насупротивъ себя, указалъ сѣсть Посланнику. Подали кофе и разныя закуски и окуриванія. Одинъ драгоманъ пересказалъ по Турецки рѣчь Посланничью, а другой по Руски Визирскій отвѣтъ. Обѣ рѣчи состояли въ томъ, что каждая сторона отъ имени Государя своего увѣряла въ желаніи сохранить миръ и тишину. По окончаніи сего, и послѣ нѣсколькихъ еще подчиваній и подарковъ, Визирь ушелъ въ свои комнаты, а мы отправились въ обратный путь.

Расположеніе къ намъ военныхъ Турокъ.

Европейцы, живущіе въ Перѣ при Посланникахъ, опасаются одни ходить въ Стамбулъ, и

всегда берутъ съ собой провожатыми одного или двухъ Янычаръ. Мнѣ однакожъ не случилось примѣтить ни какой отъ Турокъ наглости. Напротивъ того часто видѣлъ, что многіе изъ нихъ, подходя ко мнѣ и начиная говорить по Руски, вызывались къ услугамъ и всячески старались показать свое усердіе. Я удивлялся многому числу Турокъ, говорящихъ нашимъ языкомъ. Всѣ они обучились оному, будучи у насъ въ плѣну и я не видалъ ни одного изъ нихъ, который бы содержаніемъ своимъ въ Россіи не былъ доволенъ и не отзывался о томъ съ благодарностію. Однажды ѣду я на лодкѣ по каналу; на берегу сидятъ человѣкъ десять военнослужащихъ Турокъ: они увидя меня тотчасъ запѣли Рускую пѣсню. Въ другой разъ шелъ я мимо казармъ ихъ, гдѣ они кучами сидѣли и стояли: многіе изъ нихъ кричали мнѣ по Руски разныя, большею частію, привѣтственныя слова: Руской человѣкъ! куда идешь? Здорово братъ! и тому подобныя.

Султанской выѣздъ въ мечеть.

Нѣкогда отправился я смотрѣть Султана, ѣдущаго въ мечеть. Покамѣстъ мы дожидались, Турки и Татары окружили меня и покрайней мѣрѣ человѣкъ пять вступили со мною въ раз-

говоры; каждый изъ нихъ говорилъ довольно чисто по Руски. Одинъ пустился въ расказы, какъ и гдѣ бывалъ въ Россіи. Между тѣмъ Султанская свита появилась. Тогда стоявшій подлѣ насъ Турка, видя товарища своего заговорившагося, толкнулъ его и сказалъ по Руски: *смотри, смотри Султанъ ѣдетъ!* Сей къ крайнему удивленію моему отвѣчалъ ему на томъ же языкѣ: *ну! что за диковинка? я и Рускую Царицу видалъ.*

Султанская свита состояла изъ множества ѣдущихъ впереди и позади его верхами людей, которые везли для него всякую всячину, словно какъ бы онъ со всѣми своими пожитками переѣзжалъ изъ дома въ домъ. Самъ онъ былъ въ срединѣ, окруженъ знатнѣйшими чиновниками: вокругъ лошади его шли Янычары съ большими опахалами изъ перьевъ, такъ что одна голова его видна была изъ за оныхъ. Надъ самымъ лбомъ его въ турбанѣ свѣтился драгоцѣнный камень. Онъ ѣхалъ тихимъ шагомъ: всѣ Турки, противъ которыхъ онъ равнялся, прижимали обѣ руки къ груди и произносили нѣкоторыя поздравительныя слова. Онъ сидѣлъ важно, не приклоняя и не повертывая головы, но такъ искусно поводилъ на обѣ стороны глазами, что во взорахъ его ясно изображалась милость и благодарность.

Конское ристаніе.

Мнѣ случилось еще видѣть его въ день нѣкоего торжественнаго зрѣлища, состоявшаго въ конскомъ ристаніи. Человѣкъ до шестидесяти или болѣе молодыхъ богато одѣтыхъ въ разныя рыцарскія одѣянія Турокъ, на прекрасныхъ лошадяхъ, съ длинною и тонкою посрединѣ въ рукѣ держимою жердію, выѣхали на гладкое поле, прилежавшее одною изъ сторонъ своихъ къ довольно крутой и высокой горѣ, которая вся усыпана была сидящими на ней женщинами. Султанская съ большимъ открытымъ окномъ бесѣдка стояла на высотѣ сей горы. Онъ сидѣлъ въ ней, и два или три, по видимому, приближеннѣйшіе вельможи, махая опахалами, прохлаждали его отъ жара, или отгоняли отъ него мухъ. Сераль его (т. е. жены и женщины) со всѣми придворными чинами расположены были подлѣ сей бесѣдки. По другую сторону стоялъ народъ. Многіе бѣдные люди ходили съ мостинками и продавали ихъ тому, кто хотѣлъ стать на нихъ, дабы лучше видѣть. Я купилъ одну такую мостинку и покупкою моею былъ очень доволенъ. Ристаніе началось: всѣ рыцари поскакали въ ту сторону, гдѣ стояла Султанская бесѣдка, и оттуда оборачивая лошадей своихъ разсѣялись по всему полю. Богатое убранство и красота коней

ихъ кидались въ глаза. Иногда устремлялись они другъ на друга, какъ бы хотѣли сразиться, выискивая случая и приводя себя въ разныя положенія для нанесенія удобнѣйшаго удара своему сопернику; иногда одинъ, чтобъ заманить другаго, уступалъ; а тотъ гонясь за нимъ, при малѣйшей его остановкѣ умѣлъ остерегаться. Легкое играніе держимою въ рукѣ жердію и красивые обороты рѣзвыхъ, огненныхъ коней, удивляли и восхищали зрителей. По окончаніи ристанія всѣ рыцари съѣхались на край поля. Одинъ изъ нихъ во всю конскую прыть пустился, какъ стрѣла, къ Султанской бесѣдкѣ и лошадь его на всемъ скаку вдругъ остановясь упала предъ Султаномъ три раза на переднія колѣна. Всадникъ соскочилъ съ ней и пошелъ на верхъ горы подъ окно Султанской бесѣдки, гдѣ остановился, и какъ видно было, прижавъ руки къ груди разговаривалъ съ Султаномъ. Всѣ прочіе рыцари одинъ по одному тожъ дѣлали и каждый удостоенъ былъ нѣсколькими словами отъ Султана.

Медвѣжья травля.

Прекрасное зрѣлище сіе, дѣйствительно достойное любопытства, кончилось другимъ весьма простонароднымъ и нимало не забавнымъ, а именно: привели съ обрѣзанными ногтями

медвѣдя, на котораго пустили разнаго рода самыхъ злыхъ собакъ. Они впились въ него и почти безъ всякой обороны бѣднаго растянули. Онъ только что лежалъ и ревелъ. Одну собаку такъ трудно было отъ него оторвать, что принуждены были пихать ей въ зубы колья и вылить на голову нѣсколько ведеръ воды. Послѣ сего стали бороться и ломаться. Но какъ на такія забавы я не охотникъ смотрѣть, то и ушелъ домой.

Шуточная самому себѣ укоризна.

Что принадлежитъ до обществъ и собраній здѣшнихъ, я хотя не убѣгалъ ихъ, однако не такъ часто бывалъ на нихъ, какъ другіе мои товарищи. Упражненія мои въ чтеніи книгъ, частыя ссоры съ моимъ начальникомъ, печальное о полученномъ мною извѣстіи воспоминаніе, не позволяли мнѣ искать веселья, и когда случалось изрѣдка быть на вечеринкахъ, то будучи и въ добрую пору не весьма словоохотливъ, я ни съ кѣмъ не знакомился и почти не участвовалъ ни въ забавахъ, ни въ разговорахъ. Однажды товарищи мои зазвали меня къ одному изъ ихъ знакомыхъ въ домъ, гдѣ разныхъ державъ чиновники по вечерамъ собирались и обыкновенно играли въ разныя игры. Одной молодой и весь-

ма острой дѣвушкѣ досталось по фанту всякаго похвалить и похулить. Когда дошла ей очередь говорить обо мнѣ, то она сказала: »онъ хорошъ, только я не знаю, если у него языкъ.« Всѣ засмѣялись. Я покраснѣлъ не много и подумалъ: когда нельзя быть веселу, такъ лучше не ходить туда, гдѣ веселятся.

Кофейной Турецкой домъ.

Товарищъ мой Князь Долгорукой былъ человѣкъ очень пріятной и забавной. Онъ имѣлъ особое искуство знакомиться и обращаться съ Турками безъ всякаго знанія языка ихъ, кромѣ нѣсколькихъ затверженныхъ словъ. Однажды ходили мы съ нимъ гулять и онъ предложилъ мнѣ зайти въ Турецкой кофейной домъ. Я сперва не хотѣлъ, опасаясь, чтобъ не случилось какой непріятности; но онъ увѣрилъ меня, что ужé нѣсколько разъ бывалъ въ немъ, и ничего случиться не можетъ. Мы вошли и находимъ сидящаго на разостланномъ коврѣ съ длинною трубкою, весьма важнаго Турку, передъ которымъ пляшутъ таушаны (*). Онъ смотрѣлъ на

(*) Такъ называются разряженные совсѣмъ въ особое платье и разрумяненные мальчики, пляскою и кривляньями своими увеселяющіе богатыхъ и знатныхъ людей.

нихъ безъ всякой улыбки. На лицѣ его написаны были суровость и спѣсь. Онъ едва удостоилъ на насъ взглянуть. Князь, не смотря на его важность, подошелъ къ нему смѣло, и потрепавъ его по плечу сказалъ: *осъ-шалды!* (здравствуй). Турка посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Князь, ни мало не смущаясь, усмѣхнулся, прижалъ по Турецки руку къ груди и повторилъ ему тожъ самое слово. Угрюмый Магометанинъ самъ улыбнулся и сказалъ ему: *отуръ* (садись). Князь сложа по ихъ обыкновенію ноги, сѣлъ подлѣ него на коврѣ и новый знакомецъ его мигнулъ, чтобъ ему подали кофе. Тотчасъ принесли чашку и Турка съ важностію сказалъ ему Турецкое слово, значущее по нашему: *даромъ!* (то есть безъ денегъ). Князь выпилъ и точно также мигнулъ, чтобъ подали кофе Туркѣ, и съ такою же важностію сказалъ ему: *даромъ!* Турка съ благодарностію принялъ и выпилъ. Они подчивали другъ друга трубками табаку, разговаривали знаками и Магометанинъ сталъ гораздо веселѣе, нежели былъ, когда онъ смотрѣлъ на пляску Таушановъ. Словомъ они такъ подружились, что разстались съ великими ласками. Я смѣялся Князю, что онъ мастеръ знакомиться съ Турками; онъ говорилъ мнѣ: съ ними чѣмъ смѣлѣе, тѣмъ лучше, это ихъ, какъ нѣкая новость, удивляетъ и веселитъ.

Баня.

Въ другой разъ завелъ онъ меня въ баню. Въ ней никого не было, кромѣ насъ. Мы раздѣлись и вошли въ круглое зданіе съ небольшимъ по срединѣ возвышеніемъ и со многими по бокамъ купальнями, гдѣ можно сидѣть и посредствомъ проведенныхъ трубъ напускать холодную и горячую воду. Когда мы вымылись, Князь пошелъ и легъ на возвышенное по срединѣ мѣсто. Служившій намъ Турка, мужчина сильный и дородный, сталъ его тереть и править у него руки, ноги, шею, такъ что всѣ составы въ нихъ хрустѣли. Онъ хотѣлъ тоже сдѣлать и со мною, но для меня такъ это было ново, и такъ страшно, что я ни подъ какимъ видомъ не согласился. Дѣйствія его были толь смѣлы и проворны, что мнѣ казалось: онъ мнѣ шею свернетъ, или руку или ногу вывихнетъ. Князь уговаривалъ меня, правильщикъ приступалъ. Сей послѣдній не могъ надивиться, за чѣмъ я пришелъ въ баню, когда не хочу дѣлать того, что у нихъ величайшею роскошью и надобностью почитается. Однакожъ я устоялъ въ своемъ упорствѣ. Мы вышли изъ бани въ большую хоромину, въ которой прежде были. Насъ положили, окутали полотенцами и подали намъ разныхъ лакомствъ. Турецкія бани приводятъ

въ великое разслабленіе и нѣгу, покуда опять не освѣжишься. Между тѣмъ какъ мы лежимъ, вдругъ стали приходить Турчанки, и набралось ихъ множество. Онѣ сѣли и нѣкоторыя изъ нихъ, глядя на насъ, говорили: *Гяуръ!* Турки даютъ намъ (Христіянамъ) сіе имя точно въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ мы называемъ ихъ *бусурманами*. Прислужники наши, не умѣя ничего намъ растолковать, твердили только: *Маруська! Маруська!* Мы изъ Малороссійскаго припѣва *Марусенька моя* догадывались, что они понуждаютъ насъ идти вонъ, потому что пришедшія женщины того дожидаются. Мы встали, одѣлись; надобно заплатить; я надѣялся на Князевы деньги, а онъ на мои. Мы прежде о томъ не объяснились и только тутъ узнали, что у насъ ни у котораго нѣтъ съ собою ни полушки. Какъ быть? Князь взялся имъ растолковать, что мы послѣ заплатимъ. Сомнѣваюсь, чтобъ они его поняли, однакожъ были такъ учтивы, что ни малѣйшаго знака негодованія намъ не изъявили. На другой день отнесли мы вдвое противъ обыкновеннаго и они очень были довольны. Въ бани сіи до нѣкотораго часа ходятъ мущины, а потомъ женщины. Мы попали въ самый промежутокъ.

Нѣкоторыя замѣчанія о Царѣ-градѣ.

О Царѣ-градѣ или Константинополѣ можно сказать, что онъ состоитъ изъ безчисленныхъ мѣлкихъ домиковъ, большею частію мазанокъ (*); но такихъ въ немъ зданій, которыя бы огромностію своею и великолѣпіемъ удивляли, совсѣмъ нѣтъ, или очень мало. Часто случаются здѣсь пожары и число сгорѣвшихъ домовъ всегда бываетъ велико. На пожары обыкновенно ѣздитъ самъ Султанъ. Многія въ Стамбулѣ и Перѣ улицы идутъ черезъ горы, и притомъ худо вымощены и не чисты. Въ каретахъ никто здѣсь не ѣздитъ; иногда и то весьма рѣдко, попадаются какія нибудь рыдваны съ закупоренными въ нихъ женщинами. Верьхомъ ѣздящихъ также мало; всѣ ходятъ пѣшкомъ. Турки лѣнивы; никогда не прогуливаются; въ самую прекраснѣйшую погоду сидятъ поджавши ноги на коврахъ и курятъ трубку. Въ Перѣ лучшая прогулка на кладбищѣ, гдѣ по видимому ужасъ смерти не разрушаетъ болѣе суеты живыхъ,

(*) Стѣны мазанокъ составляютъ изъ связанныхъ между собою столбовъ и перекладинъ, между которыми пустыя мѣста закладены кирпичемъ съ известью. Снаружи обмазываются онѣ глиною. Сказываютъ, что мазанки, во время землетрясенія, нерѣдко здѣсь случающагося, безопаснѣе чѣмъ каменные или кирпичные домы.

ибо часто видишь сидящую на камнѣ надгробномъ и разговаривающую нѣжно между собою влюбленную чету, или играющую молодость въ то время, какъ подлѣ нея хоронятъ человѣка. Ночью по улицамъ ходьба безпокойна, по причинѣ множества собакъ, которые кидаются на идущаго, и хотя никогда не укусятъ, однакожъ лаемъ своимъ наводятъ и страхъ и скуку. Впрочемъ со стороны кражи и воровства надлежитъ здѣсь быть великой безопасности: я примѣтилъ, что во многихъ мѣстахъ овощи и плоды лежатъ кучею на рогожахъ безъ всякой при нихъ стражи. Также сидѣльцы часто отлучаются отъ лавки, оставляя оную съ находящимися въ ней товарами безъ запора и присмотра. Въ продаваемыхъ здѣсь съѣстныхъ припасахъ никто не обмѣритъ и не обвѣситъ. Полиція строго за симъ смотритъ, нечаянно приходитъ, и если хоть чуть найдетъ неточность въ мѣрѣ или вѣсѣ, то продавецъ подвергается жестокому наказанію.

Договорныя статьи.

Въ мирныхъ нашихъ договорахъ съ Турками включена была статья, что ежели кто изъ нашихъ людей уйдетъ къ нимъ или отъ нихъ къ намъ, то допросить его въ судѣ при свидѣтеляхъ съ обоихъ сторонъ и буде онъ объявитъ,

что сдѣлалъ сіе безъ всякаго принужденія по доброй волѣ своей, то назадъ его не требовать. Сія статья оказалась гораздо больше въ ихъ пользу, нежели въ нашу; ибо многіе служители отъ насъ къ нимъ бѣжали, а отъ нихъ ни одного человѣка. Главною тому причиною было, что они нашихъ сманивали: подсылали къ нимъ бѣжавшихъ въ прошедшую войну нѣкоторыхъ Рускихъ, принявшихъ Магометанскую вѣру, которыхъ они наряжали въ хорошее платье и давали имъ денегъ съ тѣмъ, чтобъ они, расказывая, какъ имъ хорошо жить, прельщали чрезъ то своихъ единоземцевъ. Можетъ быть и спокойное Турецкое платье, много ихъ соблазняло, а Турокъ напротивъ удерживало; ибо скинуть съ себя широкое и напялить узкое одѣяніе безсомнѣнія для сихъ послѣднихъ было тягостно. Однакожъ побѣгъ сей хотя сначала и усилился, такъ что отъ насъ человѣкъ до 15 бѣжало, но послѣ всѣ они до послѣдняго раскаялись и съ опасностію жизни своей, оттуда обратно уходили и опять къ намъ являлись.

Твердость Арапки.

Хотя многіе изъ Магометанъ, не взирая на заповѣди Алкорана своего, пьютъ по тихоньку вино и напиваются пьяны, однакожъ къ вѣрѣ

своей они весьма привязаны: на фрегатѣ у насъ была Арапка, принявшая нашу вѣру и вышедшая за мужъ за Рускаго Урядника. Онъ умеръ; она оставалась послѣ него въ Ливорнѣ съ малолѣтнимъ сыномъ. При отправленіи нашемъ изъ Италіи, она желала переѣхать въ Крымъ, гдѣ надѣялась отыскать родственниковъ своего мужа. Случайно зашедшій на фрегатъ къ намъ Арапъ увидѣлъ ее и сталъ уговаривать, чтобъ она опять обратилась въ ихъ вѣру и осталась въ Константинополѣ. Она не соглашалась. На другой день пріѣхали три Арапа, на третій пять и накбнецъ умножилось ихъ человѣкъ до двагцати, которые въ продолженіе почти двухъ недѣль пріѣзжали всякой день ее уговаривать и привозили много денегъ; но Арапка сія была такъ тверда, что они всѣми своими убѣжденіями и обѣщаніями не могли ее поколебать и напослѣдокъ принуждены были отстать отъ ней. Она осталась на фрегатѣ, покуда нашла случай отправиться въ Крымъ и далѣе въ Россію.

Остальное пребываніе наше въ Константинополѣ.

Наконецъ продолжавшееся около девяти мѣсяцевъ пребываніе наше въ Константинополѣ начинало намъ наскучивать. Посланникъ нашъ много разъ требовалъ отъ Порты, чтобъ она

или согласилась пропустить насъ въ Черное море, или бы въ томъ отказала; но она не хотѣла ни пропустить насъ, ни отказать намъ въ пропускѣ, отзываясь всегда тѣмъ, что она не отказываетъ и проситъ только нѣкотораго повременения, потому что обстоятельства дѣлъ того требуютъ. Флотъ ихъ вооружился и подъ начальствомъ Капитанъ-Паши пошелъ въ Черное море. Слухи о разрывѣ мира часъ отъ часу умножались и Посланникъ нашъ сталъ настоятельно требовать, чтобъ насъ или впередъ или взадъ выпустили, иначе онъ приметъ это за объявленіе войны. Вышелъ фирманъ (Султанскій указъ) по которому дозволялось намъ идти назадъ въ Средиземное море. Въ сіе время пріѣхалъ къ намъ съ фрегата Сѣвернаго Орла главноначальствующій надъ нами Капитанъ Козляниновъ, для свиданія и переговоровъ съ Посланникомъ. Порта желала, чтобъ мы не всѣ вдругъ пошли; для того сперва отправился фрегатъ Наталія, а потомъ черезъ нѣсколько времени и мы за нимъ одинъ по одному. Посланникъ нашъ разставался съ нами съ великою горестію. Въ самомъ дѣлѣ положеніе его было жестокое: война казалась неизбѣжною, а онъ человѣкъ уже довольно пожилой и семьянистой, оставался тутъ какъ бы на жертву съ малыми своими дѣтьми.

XI.

Обратное плаваніе наше отъ Константинополя до острова Тенедоса и пребываніе при ономъ.

Въ началѣ Октября оставили мы Константинополь и прошедъ Дарданеллы пришли къ Тенедосу, гдѣ стоялъ Сѣверный Орелъ. Козляниновъ, во время бытности нашей въ Царь-градѣ, переходилъ съ фрегатомъ своимъ отъ одного острова къ другому и возвращался опять къ Тенедосу, дабы имѣть о насъ свѣденія. На досугѣ посылалъ онъ Мичмановъ Глушанинова и Хоматьяно къ острову Лемносу для освидѣтельствованія погибшаго тамъ въ прошедшую войну корабля нашего Святослава. Они возвратясь донесли, что мѣсто сіе на мѣли, отстоящей отъ Лемноса къ востоку, отыскали и поставили на ономъ знакъ, что корабль подъ водою оказался разломаннымъ на четыре части, а именно: корма и при ней нѣсколько пушекъ; днище или средина переломившаяся по поламъ со многими на ней пушками, ядрами и чугуннымъ баластомъ; носъ корабля, также съ нѣсколькими пушками и ядрами, и что все сіе въ безпорядкѣ, сдвинуто съ мѣста, засыпано пескомъ и завалено лѣсомъ. Послѣ сего донесенія Мичманы сіи посыланы были въ разныя времена для до-

ставанія помощію водолазовъ сихъ осмотрѣнныхъ ими вещей, однакожъ не могли достать ни пушекъ, ни якорей, но привезли нѣсколько бомбъ, ядеръ и чугуннаго баласта.

Мы, соединясь съ Фрегатомъ Сѣвернымъ Орломъ, въ ожиданіи новыхъ повелѣній, пробыли еще около двухъ съ половиной мѣсяцевъ, переходя взадъ и впередъ и останавливаясь на якорь, то подлѣ Тенедоса, то подлѣ Анатольскаго берега. Сей послѣдній, заворачиваясь отъ первыхъ Дарданеллъ, составляетъ тотъ кряжъ земли, гдѣ стояла нѣкогда знаменитая Троя, которой слѣды такъ исчезли, что ничего примѣтнаго не осталось. Однакожъ воображеніе работало и душа поражалась при взглядѣ на тѣ мѣста, гдѣ за нѣсколько предъ симъ вѣковъ Гекторъ сражался съ Ахиллесомъ, гдѣ погибъ Пріамъ, гдѣ Елена съ Парисомъ воздыхала, гдѣ плакала Андромаха, и откуда Эней, исхитивъ изъ пламени отца своего Анхиза, уѣхалъ за тѣмъ, чтобъ воспалить любовію нещастную Дидону и построить на морѣ чудный городъ Венецію. О, стихотворство! (размышлялъ я, ходя по пустому Азіятскому берегу, и взглядывая то на гору Иду, то на небольшой островъ Тенедосъ) какую очаровательную имѣешь ты силу, когда кистію твоею управляетъ превосходный умъ и чувствующая красоты душа! Не родись Гомеръ и

Виргилій: сколько именъ и дѣлъ, сквозь множество вѣковъ гремящихъ, потонули бы давно въ рѣкѣ забвенія! Здѣсь случилось съ нами слѣдующее: Турецкій семидесяти пушечный корабль проходилъ мимо насъ. Козляниновъ зная, что на семъ кораблѣ везутъ державшаго нашу сторону смѣненнаго Визиря, захотѣлъ въ знакъ уваженія и благодарности сдѣлать ему салютъ, и лишь только мы отпалили, какъ въ тожъ самое время и Тенедосская крѣпость салютовала сему кораблю. Корабль отвѣчалъ крѣпости, а намъ нѣтъ, и прошелъ мимо насъ. Козляниновъ, видя, что онъ не отвѣчаетъ, послалъ въ погоню за нимъ шлюпку, сказать, что ежели онъ не получитъ отвѣта, то снимется съ якоря и догнавъ его вступитъ съ нимъ въ сраженіе. Корабль шелъ съ попутнымъ вѣтромъ довольно скоро, и когда шлюпка догнала его, тогда былъ онъ ужé очень далеко отъ насъ. Однакожъ, услыша отъ посланнаго къ нему сіе соединенное съ угрозами требованіе, возвратился назадъ, долго при противномъ вѣтрѣ лавировалъ, и когда приблизился, то отсалютовалъ, и пошелъ обратно въ свой путь.

XII.

Плаванiе отъ Тенедоса до Мессины и пребыванiе въ оной.

Наконецъ, потерявъ всякую надежду къ пропуску судовъ нашихъ въ Черное море и по соединенiи всѣхъ оныхъ, Декабря 25 дня снялись мы съ якоря и отправились обратно въ Средиземное море. Мы скоро вышли изъ Архипелага, и въ новый (1778) годъ приближались ужé къ берегамъ Калабрiи; однакожъ Сицилiи за наставшими противными вѣтрами долго не могли увидѣть, и не прежде вошли въ Мессинской проливъ, какъ Генваря 14 числа. Мы не болѣе двухъ дней простояли въ Мессинѣ, и на берегъ съѣзжать не могли, по причинѣ объявленнаго намъ карантина. Опасенiе отъ завоза чумы такъ здѣсь велико, и такой строгой наблюдается за этимъ присмотръ, что слетѣвшая нечаянно съ фрегата нашего курица надѣлала много тревоги: стоявшiе на берегу часовые, выпаливъ изъ нѣсколькихъ ружей, тотчасъ ее застрѣлили и не смѣли къ ней прикоснуться, покуда карантинные приставы и судьи со всѣми должными обрядами ее не сожгли. Здѣсь къ крайнему удовольствiю моему разстался я съ фрегатомъ Па-

вломъ и перешелъ опять на фрегатъ Сѣверный Орелъ.

XIII.

Плаваніе отъ Мессины до Ливорны.

Отправясь изъ Мессины мы чрезъ девять дней пришли въ Ливорну. Фрегату нашему, какъ военному судну, положено выстоять 21 день въ карантинѣ, а прочимъ подъ купеческими флагами 40 дней. Сіе раздѣленіе не только лишило насъ сообщенія съ городомъ, но и съ другими на фрегатахъ нашихъ товарищами не позволено было съѣзжаться; ибо въ противномъ случаѣ подверглись бы также и мы сорокодневному карантину. Можно себѣ представить нашу скуку! Однакожъ мы по сдѣланнымъ напередъ переговорамъ съѣзжали на берегъ и видались съ нашими знакомыми, изъ которыхъ дружелюбнѣе всѣхъ были мы съ Каламаевымъ семействомъ. Свиданіе сіе происходило въ карантинномъ домѣ, при свидѣтельствѣ и строгомъ надзорѣ карантинныхъ приставовъ. Странно казалось быть въ одной комнатѣ, ходить, стоять другъ подлѣ друга и разговаривать, но не смѣть ни малѣйшаго сдѣлать прикосновенія, ибо въ противномъ слу-

чаѣ того, до котораго хоть чуть дотронешься, посадятъ въ карантинъ. Женщины особливо сего боялись: всякое нечаянное движеніе руки приводило ихъ въ страхъ и принуждало съ крикомъ отступать назадъ. Мы ѣзжали и на другія наши суда, и могли даже потчивать другъ друга рюмкою вина, потому что дотрогиваться до стекла не почиталось опаснымъ къ сообщенію заразы; только надлежало сидѣть на своей шлюпкѣ за кормою того судна, къ которому пріѣдешь въ гости.

XIV.

Пребываніе въ Ливорнѣ.

Когда карантинъ нашъ кончился, мы въ тотъ же самый день поѣхали обѣдать къ Каламаю. Капитанъ позволилъ мнѣ жить на берегу, и какъ у меня не было денегъ, то онъ велѣлъ мнѣ изъ казны выдать заимообразно 200 червонныхъ. Тожъ самое по моему ходатайству получилъ и другъ мой Тимирязевъ. Мы наняли съ нимъ двѣ комнаты и жили вмѣстѣ. Я зналъ ужé довольно Италіянскій языкъ, и могъ безъ нужды говорить на ономъ. Это умножило мое

удовольствіе жить въ городѣ. Я всякой день провождалъ время или въ театрѣ, или въ Казинѣ, или въ кофейныхъ домахъ, или у Каламая, или прогуливаясь за городомъ, или упражняясь въ чтеніи книгъ, или обращаясь съ нашими Рускими, изъ которыхъ дружнѣе всѣхъ были со мною Василій Павловичъ Тимирязевъ, Володиміръ Матвѣевичъ Ржевскій и Князь Григорій Алексѣевичъ Долгорукой.

Знакомство мое съ Каламаевымъ семействомъ.

Я уже въ первую бытность нашу въ Ливорнѣ упоминалъ о здѣшнемъ жителѣ господинѣ Каламаѣ, имѣвшемъ еще съ прошедшей Турецкой войны денежныя съ нами счеты, носившемъ на себѣ имя нашего Консула, и котораго домъ по сему званію и по ласкамъ всего семейства его, былъ какъ бы нашъ Руской. Мы часто у него обѣдывали и провождали по вечерамъ время, вмѣстѣ съ нѣкоторыми здѣшними посѣщавшими его всякой день Италіянцами. Хотя и прежде снискалъ я знакомство въ семъ почтенномъ домѣ, однакожъ наровнѣ со всѣми прочими, и можетъ быть еще меньше другихъ, потому что незнаніе языка и занятія мои отводили меня отъ частыхъ къ нимъ посѣщеній. Но во второй пріѣздъ мой свиданія съ ними сдѣлалися чаще

и напослѣдокъ ежедневно. Хозяйка дому Г. Пiэра очень меня полюбила. Старшая дочь Жанина была ко мнѣ отмѣнно ласкова. Италiянки обыкновенно имѣютъ кого нибудь изъ мущинъ, который уже ей одной преимущественно предъ другими прислуживаетъ, и потому называютъ его *прислужникомъ* (cavalier servente). Онъ всегда подлѣ ней садится, въ собранiяхъ подлѣ ней бываетъ, танцуетъ, прогуливается съ нею и словомъ какъ бы оба они прiобрѣтаютъ другъ надъ другомъ нѣкоторое право. Жанинѣ прислуживалъ одинъ Италiянецъ. Она приглашала иногда меня садиться по другую сторону подлѣ ней. Потомъ и въ прогулкахъ стала мнѣ давать руку, такъ что ходила всегда съ нами двумя. Наконецъ Италiянецъ видя, что она охотнѣе разговариваетъ со мною, нежели съ нимъ, началъ мало по малу отставать и я заступилъ его мѣсто. Съ того времени сдѣлался я какъ бы домашнимъ у нихъ человѣкомъ; прiобрѣлъ совершенную отъ нихъ довѣренность и особливо былъ друженъ съ матерью и старшею дочерью.

Марокской Посланникъ.

Въ это время находился въ Ливорнѣ Марокскiй Посланникъ; онъ принятъ былъ съ уваженiемъ, потому что разъѣзжающiе по Средизем-

ному морю суда часто бываютъ страшны для Италіянцевъ. Однажды Козлянинову вздумалось его посѣтить. Онъ взялъ съ собою меня и переводчика. Мы пришли къ этому Посланнику, который въ странномъ одѣяніи своемъ, съ обернутою кушакомъ головою и въ туфляхъ на босую ногу, принялъ насъ учтиво. Козляниновъ, чтобъ изъявить ему какую нибудь ласку, между прочими разговорами сказалъ, что онъ имѣетъ повелѣніе, когда встрѣтится съ ихъ судами, поступать съ ними дружелюбно. Посланникъ, воспользовавшись сими словами, сталъ просить, чтобъ онъ сообщилъ ему объ этомъ писменно. Козляниновъ обѣщалъ. Возвратясь домой сказалъ я Козлянинову: »Вы дали слово и должны теперь поступить на такое дѣло, котораго нельзя будетъ скрыть, а легко можетъ статься, что оно Дворомъ нашимъ не будетъ одобрено. Надобно посмотрѣть въ инструкціи, какое предписаніе дано вамъ, какъ поступать съ сими народами.« — Отыскали инструкцію. Въ ней между прочимъ сказано: »что принадлежитъ до Алжирцовъ и другихъ Африканскихъ народовъ, объ нихъ съ Турецкимъ Султаномъ, яко главою ихъ, сдѣлано въ мирныхъ договорахъ постановленіе, что онъ долженъ удерживать ихъ отъ всякой къ Рускому флагу непріязни. Въ слѣдствіе сего, буде бы вамъ случилось встрѣтиться съ ихъ

судами, поступайте съ ними дружелюбно; а если отъ нихъ увидите какую-либо непріязненность, то вы такъ сильно вооружены, что можете наказать ихъ за всякое дерзкое покушеніе или умыселъ.« — Давъ Козлянинову замѣтить съ какою гордостію Дворъ нашъ говоритъ о сихъ народахъ, я присовокупилъ къ тому, что посѣщеніе, сдѣланное вами первымъ Марокскому Посланнику, а особливо данное ему письменное увѣреніе о дружбѣ нашей съ ними, можетъ не хорошо быть принято. Козляниновъ самъ почувствовалъ неосторожность своего поступка, но не зналъ какъ изъ того выпутаться. По долгомъ размышленіи положили мы отправить къ Посланнику переводчика и сказать ему, что ежели онъ хочетъ письменнаго увѣренія, то прислалъ бы напередъ писменную о томъ прозьбу. Мысль сія насъ успокоила; по крайней мѣрѣ, думали мы, дастся этому такой видъ, что мы снизошли на его прошеніе. На другой день получили мы отъ него желаемое, но приведены были еще въ бо́льшее затрудненіе. Прозьба сія на ихъ языкѣ съ переводомъ на Италіянской написана была въ такихъ выраженіяхъ, что никакъ принять ее было не можно. Босоногой Посланникъ говорилъ въ ней, что начальникъ Россійской эскадры пришелъ къ нему въ домъ и увѣдомилъ его о данномъ ему отъ Двора своего повелѣніи

стараться сойтиться съ ихъ судами для оказанія имъ всякаго дружелюбія, и что если господинъ начальникъ сообщитъ ему Посланнику о томъ письменно, то и онъ съ своей стороны дастъ ему письменное увѣреніе о дружескихъ Двора своего къ намъ расположеніяхъ. Таковъ былъ смыслъ присланнаго письма. Какъ? вскричалъ я прочитавъ оное, Екатерина Великая станетъ задирать дружбою Марокскаго шута! Но между тѣмъ при всей своей досадѣ мы не знали что дѣлать и какъ въ семъ случаѣ поступить. Отослали письмо назадъ къ Посланнику съ тѣмъ, чтобъ онъ его переписалъ. Толковали чего мы хотимъ. Письмо было два раза переписывано, однакожъ оставался въ немъ всегда тотъ же смыслъ, что мы ищемъ и гоняемся за ихъ прiязнію. Наконецъ написалъ я самъ оное по Руски, сказывая въ немъ, что Марокскій Посланникъ, услыша отъ начальника Россійской эскадры о данныхъ ему въ разсужденіи судовъ ихъ мирныхъ повелѣніяхъ, проситъ о сообщеніи ему о томъ письменно, дабы могъ онъ толь пріятное для нихъ свидѣтельство препроводить въ свою землю. Письмо сіе съ Рускаго перевели сперва на Италіянской, а потомъ на ихъ языкъ, и отправили къ Посланнику. Онъ подписалъ, и тогда въ отвѣтъ написали и отослали мы къ нему то, что прежде сказано было на словахъ.

Едва хлопоты сіи окончались, какъ настали подобныя же имъ другія. Козляниновъ приглашенъ былъ къ здѣшнему Губернатору обѣдать. За столомъ началась рѣчь о Марокскомъ Посланникѣ, котораго надлежало отвезти въ его отечество. Губернаторъ изъявлялъ заботу свою, сказывая, что у нихъ одинъ только фрегатъ, и тотъ въ такомъ состояніи, что прежде надлежитъ исправить его починками, и что хотя велѣно ужѐ исправлять оный, но на это потребно не мало времени. Козляниновъ, желая показать имъ свою услугу, а больше думая, что предложеніе его не будетъ принято, вызвался дать для отвоза Посланника одинъ изъ своихъ фрегатовъ. Губернаторъ поблагодарилъ его, и разговоръ объ этомъ кончился. Не прошло трехъ дней, какъ Губернатвръ присылаетъ къ нему письмо отъ Грандюка (великаго Герцога Тосканскаго), въ которомъ Его Высочество благодаритъ Козлянинова за обѣщаніе отвезти Посланника на своемъ фрегатѣ, и что онъ такое предложеніе его пріемлетъ съ особенною признательностію. Нѣчего было дѣлать. Не льзя отъ слова отпереться. Козляниновъ долженъ былъ дать повелѣніе фрегату Павлу, придавъ къ нему еще малый фрегатъ Констанцію, принять Посланника и отвезти въ Гибралтаръ. Хотя Козляниновъ и сожалѣлъ о семъ своемъ вызовѣ, не ожидая,

чтобъ оный съ радостью былъ принятъ и доведенъ тотчасъ до свѣденія Грандюка; однако не много тѣмъ тревожился, думая, что какъ намъ довольно долго оставалось еще стоять въ Ливорнѣ, то фрегаты къ тому времени, когда должно будетъ отселѣ идти, успѣютъ возвратиться. Больше наводило ему сомнѣнія то, что не за долго предъ симъ Портъ-Магонскій Губернаторъ, стѣсняемый военными дѣйствіями Французовъ и Гишпанцовъ, писалъ къ нему и усильно просилъ его прислать въ Портъ-Магонъ съ нѣкоторыми съѣстными припасами одинъ изъ ввѣренныхъ ему фрегатовъ, однакожъ Козляниновъ, не взирая на дружество наше съ Англіею, отказалъ ему въ томъ. Эта мысль, что онъ предпочелъ Марокскаго Посланника Англинскому Губернатору, наводила ему нѣкоторый страхъ. Онъ, по полученіи письма отъ Грандюка, сказалъ мнѣ: »ну! я опять бѣду сдѣлалъ. Не знаю, сойдетъ ли она мнѣ съ рукъ.« Обо всемъ этомъ написали мы (онъ всѣ свои бумаги и донесенія давалъ мнѣ писать) къ Графу Чернышеву, стараясь сколько можно оправдать наши поступки, и послали письма сіи съ отправленнымъ нарочно для сего поручикомъ Клюгеномъ. Скоро по отправленіи его пріѣхалъ изъ Петербурга курьеръ, привезшій отъ Графа Чернышева письма, весьма насъ потревожившія. Онъ пи-

шетъ къ Козлянинову, что почитаетъ уже его на возвратномъ пути въ Россію, и что ежели курьеръ найдетъ еще его въ Ливорнѣ, то предписываетъ ему, чтобъ онъ, по полученіи сего повелѣнія, немедленно отправился въ путь, дабы симъ же лѣтомъ придти въ свои Порты, не останавливаясь нигдѣ въ чужихъ зимовать. Какъ ни строго было сіе повелѣніе, но Козляниновъ не могъ его исполнить не дождавшись возвращенія посланныхъ съ Марокскимъ Посланникомъ фрегатовъ, опасаясь разлучиться съ ними, если пойдетъ прежде. И такъ рѣшился дожидаться ихъ. Къ симъ тревожившимъ его обстоятельствамъ присовокупилось еще одно: онъ сватался за Каламаеву старшую дочь, и хотя не было ему въ томъ отказано, однакожъ условленось, что отецъ ея напишетъ прежде къ Графу Чернышеву, и когда получитъ отъ него удовлетворительный отзывъ, тогда рѣшительно дастъ свое согласіе. Козляниновъ, желая помолвку сію сдѣлать тверже, не только спѣшилъ разгласить о ней, но поѣхалъ со мною во Флоренцію просить у Грандюка позволенія жениться на его подданной. Грандюкъ принялъ насъ благосклонно и позволилъ. Такимъ образомъ хотя съ одной стороны Козлянинова это и утѣшало, но съ другой опасался онъ, чтобъ Графъ Чернышевъ не подумалъ, что онъ для сего сватовства

своего нарочно медлитъ въ Ливорнѣ, и что по сей одной причинѣ далъ онъ фрегаты Марокскому Посланнику. Онъ ожидалъ строгихъ себѣ выговоровъ, если чего не хуже. Но между тѣмъ, какъ онъ крѣпко объ этомъ сокрушался, счастіе за него работало и обращало ему это въ пользу. Чрезъ нѣсколько времени Козляниновъ получаетъ отвѣтныя отъ Графа Чернышева письма: онъ распечатываетъ ихъ съ трепетомъ, и вмѣсто грозныхъ упрековъ находитъ себѣ похвалу и одобреніе. Графъ пишетъ: »Я сей часъ былъ у Государыни Императрицы съ докладами о вашихъ донесеніяхъ. Ея Величество повелѣла изъявить вамъ свое благоволеніе за посылку фрегатовъ съ Марокскимъ Посланникомъ, и проч.« — Всякъ безсомнѣнія спроситъ: какъ это? какимъ образомъ уваженіе, оказанное Африканскому Посланнику отвозомъ его на Россійскомъ фрегатѣ могло понравиться Екатеринѣ? Вотъ какимъ: извѣстно, что всѣ наши фрегаты, выключая Сѣвернаго Орла, посланы были подъ купеческими флагами, дабы подъ видомъ торговыхъ судовъ провесть ихъ чрезъ Константинополь въ Черное море; но какъ Турки, подстрекаемые Французами, не пропускали ихъ, называя военными судами, то, для отвращенія ихъ подозрѣнія и распространившихся о семъ съ разными толками слуховъ, велѣно было, еще въ бытность нашу

въ Цареградѣ, фрегату Григорію и другимъ наниматься и возить за деньги грузъ и товары. Здѣсь тотъ же видъ подтверждался, то есть, что это купеческія суда, которыя изъ платы нанялись отвезти Марокскаго Посланника; иначе какая стать, чтобъ военное Россійское судно могло это сдѣлать? Такъ по видимому разсуждала Императрица, и Козляниновъ посылкою фрегатовъ какъ бы угадалъ ея мысль и волю, за что вмѣсто гнѣва и получилъ ея благоволеніе. Сей счастливый и нимало не ожидаемый нами оборотъ обстоятельствъ успокоилъ Козлянинова, однакожъ остальное въ письмѣ Графа Чернышева не совсѣмъ его обезпечивало: въ немъ между прочимъ сказано было: »по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что вы, вступя въ сношеніе съ сими вѣроломными народами, фрегаты свои такъ вооружили, что они не могутъ опасаться никакихъ отъ нихъ оскорбленій, предосудительныхъ чести Россійскаго хотя и купеческаго флага, и что посылка сія не воспрепятствуетъ вамъ въ нынѣшнее лѣто возвратиться въ Россію.« Это побуждало Козлянинова съ нетерпѣливостію ожидать возвращенія фрегатовъ; но между тѣмъ время текло, они не возвращались, такъ что напослѣдокъ рѣшился онъ идти не дождавшись ихъ, въ надеждѣ встрѣтиться съ ними, или найти ихъ въ Гибралтарѣ.

Плаванiе отъ Ливорны до Гибралтара и пребыванiе въ ономъ.

Мы отправились изъ Ливорны Августа 6 числа и чрезъ десять дней пришли благополучно въ Гибралтаръ, но фрегатовъ нашихъ тутъ не застали. Они за нѣсколько дней до насъ ушли и съ нами не встрѣтились. Надлежало ихъ дожидаться. Мы нашли въ Гибралтарѣ Голландскую состоящую изъ трехъ кораблей эскадру подъ начальствомъ Вице-Адмирала, бывшаго прежде у насъ въ службѣ Бригадиромъ, Кинисберга, одинъ Англинскiй подъ Адмиральскимъ флагомъ корабль, и нѣсколько приходящихъ фрегатовъ. При входѣ нашемъ салютовали мы Англинскому кораблю. Онъ отвѣчалъ намъ равнымъ числомъ выстрѣловъ: честь оказанная больше Рускому флагу, нежели вымпелу Капитана. Это тѣмъ прiятнѣе было для насъ, что спустя нѣсколько времени Голландскiй Вице-Адмиралъ отходя салютовалъ также, но Адмиралъ отвѣчалъ ему двумя пушками меньше. Губернаторъ Элiотъ принялъ насъ весьма ласково, мы часто у него обѣдали; онъ прiѣзжалъ къ намъ на фрегатъ, мы также приняли его со всею должною почестiю, то есть съ музыкою, съ пальбою, и проч., чѣмъ онъ былъ весьма доволенъ. Къ намъ приставлены были офи-

церы, для показыванія всего, что захотимъ видѣть. Офицеры на гобвахтахъ выходили во фрунтъ для отдаванія намъ чести.

Сей малый полуостровъ, соединяется весьма низкимъ и тѣснымъ перешейкомъ съ Гишпаніею, бывшею тогда въ войнѣ съ Англіею. Мы осматривали всѣ укрѣпленія; ходили въ ново строившуюся тогда на превеликой высотѣ крѣпость, гдѣ, дабы не имѣть недостатка въ водѣ, вырываемы были порохомъ глубокіе изъ камня колодези. Намъ показывали въ извергаемыхъ изъ нѣдръ горы обломкахъ окаменѣлыя морскія растѣнія и рыбы, которыя не мало насъ удивляли, какимъ образомъ могли они зайти въ сію каменную на толикой высотѣ утробу? Въ другомъ мѣстѣ видѣли мы выдолбленныя въ горѣ мортиры, въ которыя клали нѣсколько пудъ пороху, и остальное жерло наполняли большими каменьями. Мортиры сіи приготовлены были на случай, когда непріятельскій флотъ придетъ нападать на лежащій при подошвѣ горы малый городокъ, тогда брошенная изъ нихъ туча каменьевъ ниспала бы на корабли ихъ. Восходя на высокую стѣну скалы, на которую едва ли съ поверхности воды можетъ взлетѣть бомба, простиралъ я взоры мои на Океанъ и Средиземное море, соединенныя проливомъ, раздѣляющимъ Африку отъ Европы. Сіи два мыса

или берега названы *Геркулесовыми столпами*, яко бы означавшими конецъ свѣта, по той причинѣ, что Геркулесъ, пронесшій до нихъ оружіе свое, воспящаемый Океаномъ не могъ далѣе простирать своихъ побѣдъ. Многіе думаютъ, что нѣкогда Океанъ отдѣленъ былъ, но что прорвавъ узкій берегъ соединился съ Средиземнымъ моремъ. Тассъ въ пятой надесять пѣсни освобожденнаго Іерусалима, описывая путешествіе двухъ воиновъ, посланныхъ за Ринальдомъ, говоритъ о семъ:

Son già là dove il mar fra terra inonda,
Pervia, ch'esser Alcide opra si finse;
Forse é ver, ch'una continua sponda
Fosse, ch'alta ruina in due distinse.
Passovvi a forza l'Oceano: e l'onda'\
Abila quinci, e quindi Calpe spinse.
Spagna e Libia partio con foce angusta;
Tanto mutar può lunga età vetusta.

То есть:

Уже достигли они туда, гдѣ море между земель отверзло себѣ путь, дѣяніе приписуемое подвигу Алкида (Геркулеса) и можетъ быть правда, что нѣкогда простирался тутъ непрерывный брегъ, великою силою раздвинутый: Океанъ хлынулъ, расторгъ его, Абилъ на едину, Калыпъ

на другую страну бросилъ, и Гишпанію съ Либіею раздѣлилъ. Толикія долговременность вѣковъ творитъ премѣны!

Наконецъ фрегаты наши Павелъ и Констанція соединились съ нами. Они доходили до Портъ-Магона и услыша тамъ, что мы пришли въ Гибралтаръ, возвратились къ намъ. Но какъ разныя обстоятельства задержали насъ еще нѣсколько дней, то Козляниновъ Сентября 12 числа собралъ къ себѣ Капитановъ, и по общему совѣту положили: »Какъ фрегатъ Григорій во время плаванія нашего сюда оказалъ не малую течь, также и фрегатъ Павелъ, сверхъ бывшей у него течи, имѣетъ многія поврежденія, которыя при всемъ стараніи не возможно было исправить, и какъ вѣтеръ къ выходу нашему въ Россію продолжается противный, а время уже такъ поздно, что дойти прежде наступленія зимы до своихъ портовъ не остается ни какой надежды, и при томъ по ветхости и малости таковыхъ судовъ, какъ Св. Павелъ и Констанція, весьма опасно въ осеннее время пускаться въ Океанъ, то по сдѣланному мною (говоритъ Козляниновъ) съ Господами командующими консиліуму положили мы остаться зимовать въ Средиземномъ морѣ, и какъ при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ въ Англійскіе порты за-

ходить для зимованія сомнительно, чтобъ не подать повода къ какимъ либо противнымъ толкованіямъ, то за способнѣйшее для сего мѣсто избрали Портъ - Ферaіо и Ливорну.« По подписаніи сего совѣщанія, на другой же день отправились мы въ путь.

Обратное плаваніе отъ Гибралтара въ Ливорну.

Возвращеніе въ Италію съ одной стороны приносило мнѣ удовольствіе а съ другой крайне меня безпокоило. Тѣже самыя пріятности могъ я тамъ найти, но не имѣлъ способа наслаждаться ими: у меня не было ни полушки денегъ. Жалованья было мало, и то напередъ забрано. Обстоятельства сіи меня ужасали. Пріѣхать въ тотъ городъ, гдѣ я имѣлъ столько знакомства, гдѣ находилъ столько удовольствій, пріѣхать, возвратиться такъ скоро, и что же? по крайнѣй мѣрѣ на полгода запереться на фрегатѣ и не сходить на берегъ, не показываться ни куда! Я бы лучше желалъ это время прожить на пустомъ островѣ. Между тѣмъ нечего было дѣлать, надлежало покориться судьбѣ. Но счастіе, со всѣмъ неожидаемое избавило меня отъ сихъ горькихъ мыслей. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Ливорны я на оставшееся у меня малое число

денегъ купилъ нѣсколько безделицъ, и какъ оныя больше мнѣ были не надобны, то я продалъ ихъ въ Гибралтарѣ за пять червонцовъ, и возвращаясь заѣхалъ въ гости на одинъ изъ нашихъ фрегатовъ, гдѣ нашелъ, что офицеры играютъ въ карты. Я подумалъ: пять червонныхъ мои тоже что ничего. Съ сими мыслями, беру карты, начинаю играть и выигрываю сорокъ пять червонныхъ. Тотчасъ хватаюсь за шляпу, откланиваюсь и уѣзжаю на свой фрегатъ. Радость моя была неописанна. По крайней мѣрѣ, думаю, на нѣсколько первыхъ дней я успокоенъ. На другой день мы снимаемся съ якоря и отправляемся въ путь. Во время плаванія нашего случались иногда тихіе вѣтры и прекрасные дни. Завелась игра. Смотря на нее, долго я самъ съ собою боролся: съ одной стороны хотѣлось выиграть, съ другой боялся проиграть. Напослѣдокъ соблазнъ преодолѣлъ меня. Я рѣшился половиною моихъ денегъ жертвовать, размышляя что могу выигрышемъ совершенно себя обезпечить, а проигрышемъ уменьшу только то, что̀, хотя бы и не было уменьшено, будетъ для меня не достаточно. Въ семъ расположеніи принимаюсь за карты; дѣлаю дватцать пять червонныхъ банку. Счастіе мнѣ служитъ. Играющіе противъ меня горячатся, и наконецъ я вижу передъ собою кучу золота. Бро-

саю карты, не смотрю ни на какія убѣжденія продолжать игру, считаю деньги и нахожу что я выигралъ слишкомъ пятьсотъ червонныхъ. Никакой миліонщикъ не былъ меня благополучнѣе! Тотчасъ запираю денежки свои въ сундукъ, и даю себѣ честное слово, что скорѣе возму въ руки горячее желѣзо, нежели карты. Всю ночь отъ радости я не спалъ, и проводилъ ее въ разныхъ размышленіяхъ. Первое представилось мнѣ, что я по прибытіи въ Ливорну могу отпроситься путешествовать по Италіи. Воображеніе быть въ Римѣ, въ Неаполѣ, восхищали меня. Я съ нетерпѣливостію дожидался прибытія въ Ливорну, куда мы скоро и пришли.

Пребываніе мое въ Ливорнѣ и поѣздки изъ оной.

Я съѣхалъ на берегъ, расположился жить по прежнему, побывалъ тотчасъ въ домѣ у Каламая, и навѣстилъ всѣхъ моихъ знакомыхъ и пріятелей. Мы нашли здѣсь прибывшихъ сюда дни за два до насъ сына Графа Ивана Григорьевича Чернышева и ѣздящаго вмѣстѣ съ нимъ Капитана Муловскаго. Вскорѣ потомъ пріѣхалъ сюда, гвардіи Капитанъ Петръ Васильевичъ Мятлевъ. Онъ путешествовалъ по Италіи. Узнавъ о томъ я пришелъ къ нему, познакомился, сказалъ ему о своемъ намѣреніи тожъ путешество-

вать. Онъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ; я весьма доволенъ былъ симъ товариществомъ и мы скоро отправились во Флоренцію. Тамъ съѣхался онъ съ однимъ знакомымъ ему Французскимъ Маркизомъ, также путешествующимъ. Съ Маркизомъ былъ Аббатъ. Мы всѣ четверо жили въ одномъ домѣ, и согласились ѣздить вмѣстѣ. Но какъ Маркизу надлежало побывать въ Ливорнѣ, то и мы положили возвратиться въ Ливорну съ тѣмъ, чтобъ оттуда проѣхать въ Римъ. Маркизъ этотъ былъ еще молодой человѣкъ, богатый, но имѣлъ у себя поврежденную руку. Онъ любилъ словесность; мы читали иногда съ нимъ Петрарковы сонеты, а иногда любопытствуя знать о нашихъ стихотворцахъ, прашивалъ онъ меня перевесть что нибудь изъ нихъ и я, какъ умѣлъ, толковалъ ему нѣкоторыя строфы изъ Ломоносова. Въ бытность мою во Флоренціи старался я осмотрѣть всѣ тамошнія достопамятности, видѣлъ славную галлерею, вмѣщающую въ себѣ произведенія всѣхъ знаменитѣйшихъ ваятелей и живописцевъ: изъ статуй превосходнѣйшую всѣхъ *Венеру Медичей;* изъ картинъ Рубенсовы, Рафаиловы, Коррежжіевы, и проч. и проч. Содрогнулся, смотря на двѣ восковыя работы, изъ коихъ одна представляла внутренность кладбища съ согнивающими и согнившими въ ней человѣче-

скими трупами, а другая моровую язву съ умирающими и мертвыми людьми. Оба изображенія сіи такъ искусно, такъ выразительно отработаны, что не льзя на нихъ смотрѣть безъ ужаса. Не худо бы думалъ я, почаще показывать ихъ тѣмъ, у которыхъ худая совѣсть, или утопаніе въ роскошахъ, не позволяютъ имъ помышлять о смерти. — Галлерея сія, сверхъ многихъ высокихъ произведеній художествъ, изобилуетъ и другими рѣдкими вещами, таковыми, какъ Этрурскіе и Египетскіе сосуды, Японскіе и Китайскіе фарфоры, древнія медали, костяныя издѣлія, и проч. Въ самомъ же городѣ достойны примѣчанія многія церкви, площади, зданія, театры, и проч.; но я не вхожу въ подробное ихъ описаніе, предоставляя это искуснѣйшимъ моего перьямъ, изобразившимъ уже оные во многихъ повѣствованіяхъ и путешествіяхъ. Мое дѣло расказывать о случившемся со мною. Мы неоднократно посѣщали славную здѣшнюю стихотворицу Кориллу. Она безъ всякаго приготовленія прекрасно говорила стихами, и по древнему обычаю была за то увѣнчана въ Римѣ. Сей родъ стихотворства, свойственный одному Италіянскому языку, по способности онаго къ разговорамъ на распѣвъ, называется *improvisare*, глаголъ по точному переводу значащій *незапствовать*, то есть: говорить или распѣвать вне-

запу (не приготовясь) стихи. Корилла славилась симъ во время бытности нашего флота въ Архипелагѣ подъ начальствомъ Графа Орлова. Она дружна была съ нимъ. Но въ наше время бывъ уже въ лѣтахъ она перестала говорить стихами, или говорила очень рѣдко. Намъ хотѣлось ее услышать, но трудно было до сего достигнуть. Однакожъ въ одинъ вечеръ, собравшись къ ней, по многимъ употребленнымъ на то способамъ дошли мы до своего желанія. Съ нами въ заговорѣ были еще славный здѣшній музыкантъ Нардини, великой ей пріятель, и одинъ Италіянскій Аббатъ, который также говорилъ стихами. Бесѣда мало по малу развеселилась. Прозьбы, похвалы ея талантамъ, щедро были разсыпаемы; нѣсколько рюмокъ Кипрскаго вина, до котораго она была охотница, поразгорячили ей голову. Нардини взялъ скрыпку и началъ играть. Послѣ рукоплесканій ему, Аббатъ, Италіянецъ, заговорилъ стихами, единственно для того, дабы ее къ тому поджечь. Глаза у ней засверкали, и она перебивъ его, пустилась сама стихотворствовать. Всѣ мы умолкли и слушали ее со вниманіемъ. Она почти цѣлый часъ продолжала говорить на распѣвъ. Содержаніе стиховъ ея было различное. Она переходила изъ важнаго въ веселое, и часто шуточное. Нарочно приводила иногда рѣчь къ намъ, говорила о ве-

щахъ и обстоятельствахъ на тотъ только разъ случившихся, дабы показать, что она не выученное что нибудь или напередъ затверженное произноситъ. Стихи ея были такъ правильны, что если бы ихъ записывать, то вѣрно не нашлось бы ни одной ошибки въ мѣрѣ стиха, въ удареніяхъ и грамматическяхъ правилахъ. Иногда были они безъ рифмъ, иногда съ рифмами, какъ часто Италіянцы пишутъ. По окончаніи сего пѣснопѣнія, мы благодарили ее за оказаніе намъ сего снисхожденія и за удовольствіе какимъ мы насладились. Корилла показалась мнѣ женщиною веселою и ласковою. Увидя на столикѣ стихотвореніе Данта, я спросилъ у ней: конечно это вашъ любимый стихотворецъ? Она отвѣчала мнѣ: такъ любимой, что онъ всегда со мною; и я не разстаюсь съ нимъ ни днемъ ни ночью. Заведя между прочимъ рѣчь о бытности флота нашего въ Италіи, и примѣтя, что она съ пріятностію о томъ вспоминаетъ, я сказалъ ей: для чего не пріѣдетъ она въ Россію, гдѣ найдетъ старыхъ своихъ друзей и привлечетъ талантами своими многихъ къ себѣ почитателей? Она съ усмѣшкою отвѣчала мнѣ на это: далеко ѣхать, я состарѣлась, талантъ безъ молодости и пригожства не бываетъ побѣдоносенъ. Такимъ образомъ, проведя съ удовольствіемъ

вечеръ, мы простились съ нею и разъѣхались по домамъ.

Чрезъ нѣсколько дней мы отправились въ Ливорну, гдѣ нашли, путешествующаго изъ нашихъ Рускихъ Скавронскаго съ однимъ при немъ старикомъ иностранцемъ. Въ одинъ день всѣ вмѣстѣ обѣдали мы у Каламая и пробыли до вечера. Старикъ, сопутникъ Скавронскаго, охотникъ былъ играть въ карты, онъ сталъ просить меня, чтобъ сдѣлать маленькой банкъ. Всѣ другіе тожъ желали играть. Зная что тутъ никого нѣтъ игроковъ, и хотятъ только проводить время, я сдѣлалъ имъ пять червонныхъ банку. Всѣ пристали играть, и самая большая ставка была паолъ или два (то есть на наши деньги не больше полтины). Одинъ Маркизъ сидѣлъ безъ игры, сказывая, что онъ отроду ни въ какую игру не игралъ. Наконецъ ему скучно стало. Онъ вынулъ руспони (золотая монета цѣною въ три червонца) и сказалъ: я хочу это проиграть, но не знаю ни какъ играютъ, ни какъ считаютъ. Ему сказали, чтобъ онъ поставилъ червонецъ. Карта ему выиграла. Ему говорятъ: загни уголъ. Онъ загибаетъ. Карта выиграла. Ему говорятъ загни другой. Онъ загибаетъ. Карта выиграла. Тутъ никто ему ничего не совѣтуетъ. Я самъ загнулъ третій уголъ. Карта выиграла. Мнѣ жаль стало заплатить

пятнатцать червонныхъ. Я перегнулъ карту его пополамъ, думая что убью. Она выиграла. Я стасовалъ карты и перегнулъ еще. Она выиграла. Я разгорячась перегнулъ еще. Она выиграла. Я въ пущей горячности перегнулъ еще. Она выиграла. Меня бросило въ потъ. Я остановился. Маркизъ, ничего не понимая, спрашиваетъ: что сдѣлалось? Стали считать и сказали ему, что онъ выигралъ двѣсти сорокъ червонныхъ. Онъ удивился и сказалъ, что не возметъ этихъ денегъ, что онъ не хотѣлъ выиграть больше, какъ сколько положилъ проиграть, то есть три червонца. Онъ зналъ мое состоянie, и думая что меня это разстроитъ въ моей съ ними поѣздкѣ, тѣмъ болѣе упорствовалъ и отрицался. Но я сказалъ, что ни подъ какимъ видомъ не соглашусь не заплатить ему того, что я проигралъ, и чему самъ причиною. Всѣ другiе молчали. Споръ продолжался только между нами. Напослѣдокъ я рѣшилъ оный слѣдующимъ предложенiемъ: »поставьте еще карту, ежели я убью ее, такъ мы будемъ квиты; а ежели не убью, то заплачу вамъ четыреста восемдесятъ червонныхъ и останусь въ Ливорнѣ.« Онъ никакъ не хотѣлъ на это согласиться, но я убѣдилъ его тѣмъ, что если онъ и не поставитъ, то я заплатя ему проигранное число, останусь же и никуда не поѣду, потому что мнѣ ѣхать будетъ

не съ чѣмъ. Наконецъ онъ поставилъ, и признаюсь что я съ такимъ трепетомъ металъ карты, какъ будто бы ожидалъ себѣ жизни или смерти. Я убилъ карту, и не знаю кто изъ насъ больше обрадовался, я ли своему выигрышу, или Маркизъ своему проигрышу. Вотъ какимъ страннымъ случаемъ могъ я лишиться удовольствія видѣть Италію, и сколько бы о томъ во весь мой вѣкъ сожалѣлъ!

Мы поѣхали въ Римъ, и проѣзжая городокъ Сіену остановились въ немъ на нѣсколько часовъ. Необыкновенное для меня было увидѣть посреди онаго окруженную домами небольшую площадь, впалую наподобіе чаши или раковины, которая, когда потребно, наводняется выбрасывающимъ изъ себя воду, стоящимъ на ней мраморнымъ истуканомъ. Мы заходили въ знаменитую ихъ соборную церковь, украшенную снаружи и внутри отличныхъ работъ статуями, изображающими Апостоловъ и Папъ, также многими позлащенными столпами и живописными высокаго искуства картинами; но главнѣйшею въ семъ храмѣ драгоцѣнностію и рѣдкостію почитается мозаическій полъ, представляющій знаменитѣйшія лица и произшествія, почерпнутыя изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Полъ сей устланъ другимъ досчатымъ помостомъ, которой по частямъ разбирается для показыванія находящагося

ся подъ нимъ мозаическаго пола. Сверхъ сего видѣли мы часовню, называемую *Хижи*, также великолѣпно и богато убранную.

По пріѣздѣ въ Римъ старался я осмотрѣть всѣ достопримѣчательныя въ сей древней столицѣ мѣста и вещи: былъ въ знаменитой прошедшими дѣяніями Капитоліи, напоминающей и понынѣ объ нихъ сидящимъ на конѣ Маркъ-Авреліемъ, и другими разными изваяніями и живописными картинами. Тутъ и волчица, воспитавшая сосцами своими Рема и Ромула. Тутъ и гуси, спасшіе крикомъ своимъ Капитолію отъ незапнаго на нее нападенія Галловъ, и многіе другіе памятники. Былъ неоднократно въ великолѣпномъ храмѣ Святаго Петра, и однажды въ день службы, совершаемой Папою. Любовался и удивлялся куполу ея, престолу, каѳедрѣ, гробницамъ, статуямъ, мозаикамъ, и вообще огромности сего величественнаго зданія. Оттуда пришелъ я въ Папскій дворецъ по длинной галлереи, которой стѣны исписаны всѣ на разныхъ языкахъ путешественниками, гдѣ стихами, гдѣ прозою, кому что вздумалось написать. Если бы прочитать всѣ сіи надписи, то можетъ быть иная изъ нихъ нашлась бы достойною примѣчанія, такою, напримѣръ, какую видѣлъ я во Флоренціи надъ недоконченнымъ портретомъ Брута, слѣдующаго содержанія:

»Живописецъ хотѣлъ Брута изобразить свирѣпымъ, но вспомнивъ о добродѣтеляхъ его, остановился и бросилъ кисть свою.« — Я ходилъ еще по многимъ другимъ, заключающимъ въ себѣ разныя достопамятности, церквамъ, также и по княжескимъ и кардинальскимъ домамъ, наполненнымъ рѣдкими и драгоцѣнными вещами, равно служащими, какъ для украшенія комнатъ, такъ для удовольствія очей и пріятнаго или нужнаго воспоминанія о достопамятнѣйшихъ въ теченіе вѣковъ произведеній и событій. Странно показалось мнѣ то, что въ этихъ великолѣпныхъ домахъ не видно было ни хозяина, ни соотвѣтствующей толь знатнымъ господамъ прислуги. Наемный по здѣшнему названію *Чичероне* (Цицеронъ) водилъ насъ по всѣмъ покоямъ и расказывалъ о чемъ-кто у него спроситъ. Я думалъ, что въ это время хозяева были въ отсутствіи, но мнѣ сказали, что они дома, да только содержатъ мало служителей, и живутъ въ небольшихъ примкнутыхъ комнатахъ. По этому, разсуждалъ я самъ съ собою, огромныя зданія сіи служатъ больше для показа, нежели для пировъ и наслажденія роскошною жизнію.

Въ Римѣ повстрѣчался я съ путешествующимъ, также какъ и мы, родственникомъ моимъ Гаврилою Ильичемъ Бибиковымъ. Мы обрадовались увидя другъ друга. Онъ убѣждалъ меня

ѣхать съ нимъ; но какъ онъ ѣхалъ въ Венецію, а мы въ Неаполь, то и надлежало мнѣ одинъ которой нибудь изъ сихъ городовъ избрать по тому, что, по причинѣ приближенія срока моему отпуску, не могъ я побывать въ обоихъ. Долго затруднялся я симъ выборомъ; напослѣдокъ Бибиковъ уговорилъ меня, и я, не безъ сожалѣнія разставшись съ прежними моими сопутниками, поѣхалъ съ нимъ.

Мы отправились въ началѣ Генваря, въ такую теплую погоду, что можно было ѣхать съ открытыми въ каретѣ окнами, безъ всякой верхней одежды; но чрезъ нѣсколько дней, переѣзжая горы, нашли ихъ покрытыми такимъ глубокимъ снѣгомъ, что въ иныхъ мѣстахъ должны были въ помощь лошадямъ припрегать быковъ. — По пріѣздѣ нашемъ въ Миланъ (или по прежнему названію Медіоланъ) остановились мы тутъ на нѣсколько дней. Въ это короткое время пребыванія нашего въ семъ городѣ, старался я, сколько могъ, удовольствовать любопытство мое осмотрѣніемъ всѣхъ достопримѣчательныхъ въ немъ мѣстъ и вещей. Всего прежде побывалъ въ соборной церкви: огромный храмъ сей снаружи обставленъ премножествомъ мраморныхъ истукановъ. Внутри великолѣпно украшенъ, имѣетъ подземную часовню и богатую ризницу. Въ немъ почиваютъ мощи св. Ам-

вросія, лежащія съ открытою головою въ составленномъ изъ хрусталей гробѣ. Я всходилъ на самый верхъ сего высокаго зданія, отколѣ весь городъ съ окрестностями своими въ прелестномъ видѣ представлялся зрѣнію. На другой день, услыша о нѣкоторомъ монахѣ, что онъ съ отличнымъ искуствомъ упражняется въ живописи, захотѣлось мнѣ посмотрѣть его работъ. Вхожу къ нему въ келью, и вижу одну только поставленную на столѣ довольно большую картину, такъ запачканную и закоптѣлую, что чуть можно видѣть начертанное на ней изображеніе. Я увѣдомилъ его о причинѣ моего къ нему прихода. Онъ сказалъ мнѣ: это правда, я люблю живопись и охотно въ ней упражняюсь. — Да какъ же, спросилъ я, не видно у васъ никакихъ тому признаковъ? — А вотъ, отвѣчалъ онъ, картина, которую я списываю съ такимъ къ ней благоговѣніемъ, что уже другой годъ сижу надъ нею. — Отъ чего такъ долго? повторилъ я мой вопросъ. — Отъ того, сказалъ онъ, что я тогда только принимаюсь списывать ее, когда глядя на нее воспламеняюсь ея красотами, и хоть мало утомлюсь или начну простывать, тотчасъ бросаю кисть и оставляю работу мою до другаго времени, когда опять почувствую въ себѣ тожъ самое расположеніе. — Ну! подумалъ я, хорошо, если бъ и писатели съ со-

чиненіями своими такъ поступали, какъ этотъ монахъ съ своей картиною: тогда бы меньше выходило книгъ, но гораздо лучшихъ и полезнѣйшихъ для читателей. — Не льзя ли, сказалъ я, сдѣлать мнѣ одолженіе показать то, что̀ у васъ уже́ списано? — Онъ вынесъ мнѣ свою работу, не совсѣмъ еще доконченную, и дѣйствительно, сколько я судить могъ, показалась она мнѣ чрезвычайной красоты.

На третій день ходилъ я въ отстоявшій уединенно не подалеку отъ города деревянной, пустой и ветхой домикъ, имѣвшій въ себѣ ту необычайность, что когда закричишь въ немъ громко, или выстрѣлишь изъ пистолета, то эхо повторяется разъ до сорока, или болѣе, сперва почти столь же громко, а потомъ при каждомъ повтореніи уменьшаетъ звукъ свой, покуда напослѣдокъ совсѣмъ замолкнетъ. — На четвертый день былъ я въ театрѣ, но не во время представленія на немъ, а когда собираются туда, какъ бы въ маскерадъ или на балъ, только безъ музыки, безъ масокъ и маскераднаго платья, а просто мущины расхаживаютъ по залу, а женщины сидятъ въ ложахъ. Людей множество, но для меня, ни съ кѣмъ не знакомаго, собраніе сіе показалось довольно скучнымъ. Въ одной сторонѣ залы поставлено было около дюжины столовъ, изъ которыхъ за каждымъ сидѣлъ бан-

кометатель съ лежащими передъ нимъ колодами картъ и кучею золота. Я удивился, что во весь вечеръ не больше какъ за двумя или тремя столами человѣка два или три играли, а прочія кучи золота лежали праздно. О! думалъ я, естьли бъ это у насъ, то многимъ опоздавшимъ ни къ одному столу не удалось бы продраться. Самъ по себѣ театръ этотъ съ убранствомъ ложъ своихъ пространенъ и красивъ, но не случилось мнѣ видѣть играющихъ на немъ актеровъ. Впрочемъ въ другихъ мѣстахъ замѣчалъ я, что они въ дѣйствіяхъ своихъ не наблюдаютъ большой точности, потому что Италіянцы не обращаютъ строгаго вниманія на содержаніе представляемаго зрѣлища. Однажды играли трагедію; главное дѣйствующее лице несчастными обстоятельствами доведено было до такого крайняго состоянія, что̀ надлежало ему, оставя горестную семью свою, пуститься на неминуемую погибель. Съ симъ намѣреніемъ, въ концѣ четвертаго дѣйствія, послѣ горькихъ жалобъ своихъ, рѣшась умереть, отчаянный уходитъ онъ съ театра. Я съ великимъ сожалѣніемъ о немъ любопытствую узнать, чѣмъ рѣшится его участь. Пятое дѣйствіе начинается, и онъ первый выходитъ на сцену. Я съ радостію ожидаю услышать отъ него, какимъ образомъ онъ спасся; но что жъ услышалъ? Обращеніе его къ зри-

телямъ съ прозьбою, что естьли успѣлъ онъ слабымъ талантомъ своимъ возбудить въ нихъ сожалѣніе къ себѣ, то надѣется, что они не оставятъ вознаградить его великодушною своею щедротою. По произнесеніи сей рѣчи онъ пошелъ оканчивать трагедію, и никто изъ зрителей не былъ удивленъ страннымъ симъ поступкомъ. Въ другое время видѣлъ я, что когда любовникъ распѣваетъ длинную арію передъ своей любезной, изъясняя ей страстныя чувства свои, тогда она, смотря на ложи, кланяется съ сидящими въ нихъ знакомыми своими. Италіянцы любятъ Метастазіевы оперы (и не льзя знатоку словесности и благородному сердцу не любить ихъ); но и въ нихъ, зная отъ частаго представленія оныхъ почти всѣ стихи наизусть, слушаютъ только отличнѣйшія мѣста, а при другихъ ходятъ по ложамъ, посѣщая другъ друга: для сего ложи свои убираютъ они, какъ въ домѣ комнаты. Впрочемъ никогда не случилось мнѣ видѣть, чтобъ на театрахъ ихъ представляли что нибудь на чужомъ языкѣ. Народная ли гордость, или привязанность къ красотамъ языка своего, тому причиною, не знаю; но не могу осуждать ихъ за такое къ словесности своей предпочтеніе и любовь, безъ которыхъ можетъ быть не было бы у нихъ ни Тассовъ, ни Петрарковъ, ни Аріостовъ.

Однажды подвечеръ прогуливаясь по городу увидѣлъ я много стоявшихъ вмѣстѣ каретъ. Я подумалъ, что съѣхались въ одинъ изъ ближнихъ домовъ по какому нибудь случаю званые гости. Подхожу ближе и вижу, что въ иныхъ каретахъ сидятъ женщины, а изъ другихъ вышедшіе мущины ходятъ и разговариваютъ съ ними. Такимъ образомъ для свиданія съ знакомыми провождаютъ они часа два времени. Вспомня при семъ съѣздѣ о посѣщеніяхъ ихъ по ложамъ, и о частой ходьбѣ по кофейнымъ домамъ, заключалъ я изъ того, что сіе исканіе увеселеній внѣ своихъ жилищъ долженствуетъ отводить ихъ отъ гостепріимства, отъ удовольствія быть дома, посѣщать другъ друга и наслаждаться домашними дружескими бесѣдами, скрѣпляющими узы родства, пріязни, знакомства, и вообще дѣлающими связи людей тѣснѣе и чистосердечнѣе. По сему образу мыслей моихъ не желалъ я, чтобъ сіе чужеземное обыкновеніе переселилось нѣкогда къ намъ въ Россію. — Я удивлялся и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на многихъ здѣшнихъ жителей малорослыхъ и худощавыхъ съ кривыми ногами, а въ другихъ мѣстахъ мущинъ и женщинъ съ висящими у нихъ на горлѣ толстыми зобами, но не могъ узнать причины, подвергающей ихъ такому безобразію.

Пробывъ еще дни два въ Миланѣ отправились мы въ Венецію, и почти нигдѣ на пути не останавливаясь спѣшили пріѣхать туда, потому что срокъ возвращенія моего въ Ливорну не позволялъ долго медлить. Въ Падуѣ остановились только на короткое время. Городъ сей построилъ Антеноръ, Пріамовъ братъ; онъ по разореніи Трои, переплывъ Иллирійское море, присталъ здѣсь и поселился съ своими Троянцами. Я успѣлъ побывать въ церкви святаго Антонія Падуанскаго, гдѣ лежатъ его мощи. Въ ней вниманіе мое не столько обращено было на картины и другія украшенія, сколько, по моему мнѣнію, нашелъ я неприличнымъ, что изваянный въ половину человѣческаго роста мраморный истуканъ, изображающій Спасителя Христа, поставленъ у дверей, держа въ рукахъ съ просящимъ видомъ открытый мѣшокъ, въ которой входящіе въ церковь и выходящіе изъ ней кладутъ деньги. Признаюсь, что такое средство къ пріумноженію церковныхъ доходовъ показалось мнѣ больше корыстолюбіемъ, нежели набожностію придуманнымъ. Изъ Падуи поплыли мы каналомъ *Брентою*, текущимъ по пріятнымъ мѣстамъ между многими стоящими на берегахъ его прекрасными домами, и вскорѣ увидѣли Венецію, тотъ чудный городъ, о которомъ можно сказать, что

онъ лежитъ ни на землѣ, ни на морѣ. Вмѣсто улицъ вездѣ въ немъ каналы, вмѣсто каретъ и всякихъ другихъ повозокъ, ѣздятъ на гребныхъ судахъ, называемыхъ *гондолями*, на которыхъ кормовая бесѣдка бываетъ иногда роскошно украшена зеркалами и занавѣсками. Иныхъ улицъ или лучше сказать переулковъ, весьма не много, и тѣ такъ узки и тѣсны, что два или три человѣка рядомъ едва проходить могутъ. Напротивъ того множество мостовъ, изъ коихъ иные отличной красоты и работы. Во всемъ городѣ нѣтъ ни одной лошади и никакой живой скотины. Самое обширнѣйшее изъ сухихъ мѣстъ есть четвероугольная площадь съ церковію святаго Апостола Марка. Храмъ сей многими рѣдкими мраморами великолѣпно украшенъ, имѣетъ богатую ризницу и другія всякаго рода сокровища. Подлѣ него построена высокая башня. Площадь, окруженная со всѣхъ сторонъ домами, торговыми лавками и *казинами* (т. е. гостинницами), служитъ главною прогулкою для жителей. Я часто по ней хаживалъ, и какъ въ это время былъ *карнавалъ* (по нашему масленица), то я нерѣдко съ утра до вечера не скидавалъ съ себя маскераднаго платья, видя, что въ этомъ нарядѣ многіе прогуливаются и заходятъ въ казины, куда собираются разнаго званія люди, изъ коихъ иные, чудно одѣтые

въ странныхъ и смѣшныхъ личинахъ, ходятъ по комнатамъ, разговариваютъ притворными голосами, дѣлаютъ соотвѣтствующія одеждѣ своей тѣлодвиженія и кривлянья, забавляя самихъ себя и тѣхъ, которые любятъ на нихъ смотрѣть. Какъ ни кажутся увеселенія сіи простонародными игрищами, однакожъ разныя, иногда весьма смѣшныя выдумки, а притомъ тутъ же прогулки и переходы изъ одной казины въ другую, приносятъ такое удовольствіе, что привлекаютъ къ себѣ много всякаго рода любопытныхъ. Впрочемъ Венеціянцы такъ подозрительны въ отношеніи къ другимъ державамъ, что, сказываютъ, естьли бы какой чужестранный посланникъ вздумалъ придти въ казину безъ маски, то вся казина разбѣжалась бы отъ него. Со мной случилось нѣчто забавное, которое хотя и не очень въ хорошемъ видѣ выставляетъ меня, однакожъ, для охотно слушающихъ такія приключеньицы, я раскажу это. Они извинятъ меня, зная, что человѣкъ въ молодости часто бываетъ скоръ и опрометчивъ. По пріѣздѣ нашемъ сюда нашли мы здѣсь изъ нашихъ Рускихъ путешественниковъ Николая Ивановича Корсáкова, человѣка умнаго, пріятнаго и веселаго. Мы скоро съ нимъ не только познакомились, но и подружились. Руские встрѣтясь въ чужихъ краяхъ тотчасъ, какъ бы вѣкъ вмѣстѣ

жили, дѣлаются знакомыми. Однажды, условясь съ нимъ проводить вечеръ въ казинѣ, пришелъ я туда и увидѣлъ его сидящаго безъ маски. Я подошелъ къ нему. Подлѣ него сидѣла закутанная въ маскерадномъ платьѣ женщина, съ другою, также замаскированною, которая по щеголеватому наряду своему и тонкому стану показалась еще очень молодою. Корсаковъ посадилъ меня подлѣ ней и сказалъ мнѣ по Руски: »Это моя хозяйка, у которой я живу въ домѣ, пожилая и почтенная женщина, а та, подлѣ которой ты сидишь, дочь ея, шестнатцатилѣтняя дѣвушка, очень умная и красавица. Поговори съ нею; она хотя по здѣшнему обыкновенію и не станетъ тебѣ отвѣчать, но учтивыя похвалы твои и ласки будутъ ей пріятны, и когда послѣ вздумаешь придти къ намъ, то уже́ мать и она примутъ тебя̀ съ удовольствіемъ.« Увѣренный его словами, желая снискать такое пріятное знакомство, началъ я говорить ей, что хотя она и закрыта отъ моихъ жадныхъ глазъ, но я знаю, какъ она мила, какими одарена достоинствами, и тому подобное. Она молчала. Посидя нѣсколько пошли мы прогуливаться. Корса́ковъ взялъ свою хозяйку, а я свою молчаливицу. Во время прогулки старался я какъ можно больше насказать ей ласкъ и учтивостей, съ робостію осмѣливался иногда брать и съ по-

чтительностію цѣловать ея руку; она не отнимала ее у меня, но не смотря на всѣ мои прозьбы промолвить хоть словечко и дать мнѣ услышать голосъ свой, продолжала молчать, и ни малѣйшимъ зна́комъ привѣтствія на всѣ мои ласки и нѣжности не отвѣчала; однакожъ я ни мало тѣмъ не огорчался, а напротивъ приписывалъ это принятому у нихъ обыкновенію и отличной ея скромности. Словомъ, я разстался съ ними въ великомъ восторгѣ отъ моей, по моему воображенію, милой, прелестной и отмѣнно скромной дѣвицы, и на другой же день спѣшилъ идти къ Корса́кову, чтобъ увидѣться съ нею и еще болѣе познакомиться. Прихожу. Сказали мнѣ, что онъ у хозяйки въ покояхъ, и что она проситъ меня пожаловать къ ней. Я лечу на крыльяхъ радости, и нахожу ихъ весело сидящихъ и улыбающихся. Едва успѣли мы съ хозяйкою сказать другъ другу нѣсколько привѣтливыхъ словъ, какъ вдругъ приказываетъ она позвать къ себѣ дочь свою. Сердце у меня затрепетало, и чтожъ? вижу, входитъ съ кривымъ носомъ дурной мальчикъ, дурачокъ. Оба они захохотали, и Корса́ковъ сказалъ мнѣ: »Вотъ та прекрасная дѣвушка, въ которую ты вчера влюбился! Мы нарочно этого дурачка такъ нарядили, чтобъ тебя обмануть.« Признаюсь, что сперва эта шутка меня огорчила, но

послѣ, вспомня, какія нѣжности говорилъ я этому уродцу, какъ цѣловалъ у него руки, я самъ расхохотался и помирился съ ними.

Въ одинъ изъ празднуемыхъ дней было здѣсь торжество, состоявшее въ разныхъ увеселительныхъ представленіяхъ. На площади святаго Марка собралось множество людей. Окна Дожева дворца и другихъ домовъ наполнены были зрителями и зрительницами. Игры и забавы сіи заключались первое въ томъ, что въ напоминаніе о какомъ-то старинномъ приключеніи приведенному съ великимъ обрядомъ быку мясникъ однимъ махомъ отрубилъ голову. За успѣшное дѣйствіе сего вознаграждался онъ народными криками и похвалами. Второе, строили изъ людей пирамиду, то есть: восемь человѣкъ стоятъ внизу, на нихъ становятся четверо, на четверыхъ двое, на двухъ одинъ, и на немъ еще мальчикъ, повернувшійся иногда вверхъ ногами. Третіе, и самое лучшее: съ вершины башни, находящейся подлѣ церкви святаго Марка, протянута была къ Дожеву дворцу веревка, по которой человѣкъ, лежа на прицѣпленной къ ней маленькой лодочкѣ внизъ головою спускался съ цвѣткомъ въ рукѣ для врученія онаго Дожу.

Въ другой день званы мы были на балъ, куда съѣхались всѣ здѣшнія высшаго степени

особы въ большихъ нарядахъ. Главное и почти единственное увеселеніе на немъ состояло въ танцахъ. Строгое наблюденіе чинности и порядка показалось мнѣ скучнѣе народныхъ игрищъ. Всякаго, кто съ тобою говорить начнетъ, надлежало называть *эччеленца* (Ваше Превосходительство), иначе онъ обижался неучтивостію. Танцовать нельзя было инымъ образомъ, какъ сидя на мѣстѣ дожидаться, покуда какой нибудь устроитель бала, *эччеленца*, не поведетъ тебя къ ожидающей дамѣ, съ которою ты протанцовавъ долженъ сѣсть опять на свое мѣсто. Связанность и принужденность сія, безъ всякой въ обращеніи свободы, были для насъ больше тягостны, нежели пріятны.

Между прочими обозрѣніями частей города любопытствовалъ я видѣть здѣшній арсеналъ, или лучше сказать Адмиралтейство, устроенное на окруженномъ водою обширномъ островѣ, и служащее какъ хранилищемъ всякаго рода выработываемыхъ на немъ морскихъ припасовъ, такъ и укрѣпленіемъ себя оборонительными орудіями отъ нападеній непріятельскихъ. Тутъ находится украшенное рѣзною и живописною работою судно, называемое *Буцентавръ*, на которомъ Дожъ всякой годъ въ день Вознесенія Господня выѣзжаетъ съ первѣйшими чиновниками своими и послами при пушечномъ громѣ и ко-

локольномъ звонѣ, сопровождаемый множествомъ гондолей, вѣнчаться съ моремъ, бросая въ него кольцо, въ знакъ своего съ нимъ обрученія. Обрядъ сей и понынѣ продолжается въ воспоминаніе прежняго на водахъ могущества Венеціянъ. Сказать правду, невѣста Дожева спѣсива, не обмѣнивается съ нимъ кольцами, и такъ непостоянна, что хотя бываетъ иногда тиха и пріятна, но въ другое время такъ сердита и бурлива, что ни какой мужъ не сладитъ съ нею.

Напослѣдокъ пора мнѣ было ѣхать въ Ливорну. Съ сожалѣніемъ разстался я съ товарищемъ моимъ Бибиковымъ, но съ другой стороны утѣшенъ былъ сопутствованіемъ со мною Корсакова, которой ѣхалъ во Флоренцію. Мы отправились на суднѣ каналомъ Брентою. Онъ на нѣкоторое разстояніе течетъ съ горы, раздѣляясь на четвероугольные, одинъ другаго выше, пруды или части, запираемые воротами, которые отворяются, и текущая изъ нихъ вода, наполняя нижній прудъ, приподнимаетъ судно. Такимъ образомъ возводятъ его на самый верхъ. Дорогою не на долгое время останавливались мы только въ Феррарѣ и Болоніи. Въ первомъ изъ сихъ городовъ взглянулъ я и съ нѣкоторымъ почтеніемъ поклонился воздвигнутой въ церквѣ мраморной съ поясною статуею гробницѣ Аріоста, сего великаго Стихотворца, кото-

рый забавною поэмою своею *Orlando furioso* (неистовый Орландъ), совсѣмъ особаго рода отъ Тассовой поэмы, *la Gerusaleme liberata* (Освобожденный Іерусалимъ), *) умѣлъ раздѣлить съ нимъ славу, такъ что Италія не знаетъ, кому изъ нихъ дать преимущество. Въ Болоніи удивленъ я былъ необычайной длины галлерсею, состоящею изъ нѣсколькихъ сотъ арковъ или круглыхъ сводовъ; она съ одной стороны имѣетъ стѣну, а съ другой открыта, и ведетъ отъ городскихъ воротъ въ церковь. Видѣлъ также подобную Пизской наклонную на бокъ кривую башню. Любовался кабинетомъ, вмѣщающимъ въ себѣ множество естественныхъ произведеній

---

*) Изъ самыхъ первыхъ стиховъ ихъ видно уже намѣреніе одного изъ нихъ составить важную объ одномъ токмо предметѣ, а другаго веселую о многихъ предметахъ поэму. Тассъ начинаетъ:

Canto l'arme pietose e il capitano,
Che il gran sepolcro liberò di Cristo.

то есть:

Пою благочестивое оружіе и вождя,
Освободившаго великій гробъ Христовъ.

А другой напротивъ:

Le donne i cavalier', l'arme gli amori,
Le cortesie l'audaci imprese io canto.

то есть:

Женщинъ и мущинъ, оружіе и любовь,
Учтивости и отважныя предпріятія пою.

и рѣдкостей. — По пріѣздѣ во Флоренцію разстались мы съ Корса́ковымъ, въ короткое время познакомясь и полюбя другъ друга чистосердечно. Я поѣхалъ въ Ливорну. На дорогѣ случилось со мною небольшое приключеньице, которое я для шутки, или же и для предосторожности другихъ, разъѣзжающихъ *курьерами*, раскажу: на послѣдней станціи къ Пизѣ сказали мнѣ, что всѣ лошади въ разгонѣ, и что не прежде могутъ меня везти, какъ часа черезъ четыре. Это мнѣ было очень досадно, тѣмъ больше, что я спѣшилъ и надѣялся въ тотъ же день къ вечеру пріѣхать въ Ливорну. Но какъ на всѣ мои прозьбы отвѣчали холоднымъ отказомъ, то принужденъ я былъ обѣщать дороже прогоновъ заплатить, лишь только бы скоро меня отправили. Согласились на это; запрягли лошадей, больше чѣмъ за̀ двойную плату. Отъѣхавъ версты три или четыре отъ почты, вздумалось мнѣ погрозить везшему меня извощику, что я пріѣхавши въ Пизу пожалуюсь на ихъ со мною поступокъ. Лишь только успѣлъ я это промолвить, какъ вдругъ извощикъ, повернувъ лошадей, поскакалъ во весь опоръ назадъ. Сколько ни убѣждалъ я его воротиться, увѣряя, что я сказалъ это въ шутку, и что ни какихъ жалобъ дѣлать не намѣренъ; нѣтъ, онъ меня не слушалъ, и привезъ обратно на почту. Лошадей выпрягли,

ушли отъ меня, и оставили одного въ недоумѣніи, чтó мнѣ дѣлать. Насилу, послѣ великихъ прозьбъ и клятвъ моихъ, что я ни кому жаловаться не хочу и не буду, повезли меня опять, и я, куда просить! радъ былъ, что этимъ отдѣлался.

Возвращеніе въ Россію.

По пріѣздѣ въ Ливорну нашелъ я, что фрегаты наши готовились ужé къ походу, и вскорѣ послѣ того вступили мы подъ паруса. Я, хотя и весьма желалъ возвратиться въ отечество, однако жъ съ сожалѣніемъ оставлялъ Италію, а особливо Ливорну, гдѣ со многими познакомился, и въ Каламаевомъ, пріятномъ для меня домѣ, былъ принятъ какъ домашній, какъ самый близкій ихъ родственникъ. Путеплаваніе наше успѣшно и благополучно продолжалось: попутные вѣтры несли насъ, какъ на крыльяхъ. Мы скоро прошли Гибралтарскій проливъ и выступили въ Атлантическое море. Поравнявшись противъ Португальскихъ береговъ увидѣли мы на вѣтрѣ Гишпанскій флотъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ военныхъ кораблей, которые при появленіи нашемъ тотчасъ начали между собою дѣлать разговорные знаки (сигналы). Мы подняли свой флагъ, дабы показать имъ какой державѣ принадлежимъ. Одинъ изъ кораблей ихъ спустился

отъ вѣтра и пошелъ прямо къ намъ. Хотя мы не были съ ними въ войнѣ, однакожъ, не зная съ какимъ намѣреніемъ онъ идетъ, зарядили пушки ядрами и приготовились, въ случаѣ какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствій, къ оборонѣ. Корабль, поравнявшись противъ нашего фрегата, спустилъ шлюпку и послалъ ее къ намъ. Офицеръ, пріѣхавшій на ней, сказалъ нашему Капитану, что онъ присланъ отъ начальника своего поздравить насъ съ прибытіемъ къ ихъ берегамъ и пожелать намъ счастливаго пути. Козляниновъ, принявъ его съ вѣжливостію, и поблагодаря за изъявляемую ими къ Рускому флагу учтивость, велѣлъ спустить свою шлюпку и приказалъ мнѣ съѣздить на ихъ корабль съ такими же привѣтствіями и увѣреніями о нашей къ нимъ пріязни. Я тоже на кораблѣ ихъ принятъ былъ весьма учтиво. Послѣ сего, при продолженіи попутныхъ вѣтровъ, вошли мы въ Англинской каналъ, и стали близъ Довера на якорь въ ожиданіи прибытія изъ Калѣ ѣдущей съ нами въ Россію дюшесы Кинстонъ. За ней послано было судно, на которомъ она съ бывшими при ней сопровождателями пріѣхала къ намъ на фрегатъ. Мы тотчасъ вступили подъ паруса, прошли Категатъ, и за противнымъ вѣтромъ остановились на Копенгагенскомъ рейдѣ. Какъ скоро вѣтръ перемѣнился, мы отправились

въ путь, и чрезъ нѣсколько дней пришли благополучно въ Кронштадъ. Я съ радостію возвратился въ отечество, но радость моя смѣшена была съ горькимъ напоминаніемъ, что во время отсутствія моего лишился я близкой къ сердцу моему особы, и при томъ еще вскорѣ по прибытіи нашемъ опечаленъ былъ смертію сотоварища и пріятеля моего Василья Павловича Тимирязева, съ которымъ соединены мы были искреннею дружбою.

Конецъ.